Остров
белых
лилий
Елена Румянцева
18+

Елена Румянцева
Остров белых лилий

https://litres.ru/72143650
SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о Духе-Хранителе острова, который живёт своей привычной жизнью до тех пор пока к нему не наведываются люди. Поначалу он не в восторге от "новосёлов", но со временем он привыкает к ним и даже решается прийти в мир людей, чтобы стать одним из них.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	48
Глава 12	52
Глава 13	58
Глава 14	64
Глава 15	70
Глава 16	73
Глава 17	82
Глава 18	85
Глава 19	89
II часть. Путь Одна. Глава 1. Хозяйка юга.	95
Глава 2. Ава.	102
Глава 3. Валор.	110
Глава 4. Одан.	113

Елена Румянцева
Остров белых лилий

Глава 1

I часть - история Авалора.

1 глава. Явление.

Творец обнимает взглядом своё творение: бескрайние океаны и моря, изрезанные береговые линии материков, рассыпанные по

водной глади острова и архипелаги, разделяющие их проливы. В этих водных и земных просторах созревают могущественные Силы. Каждая точка суши, каждый участок моря находится под его неусыпным наблюдением. Совсем скоро все Силы получат имена и станут Духами-Хранителями тех мест на которых они зародились. Имя даст Духу жизнь, сознание, характер и предназначение. Могучие Энергии обладающие огромным потенциалом сформировались на материках, но ими Создатель займется мгновением позже, сейчас его внимание сосредоточилось на маленьком острове.

Здесь царит мягкий климат: весна наполненная свежим ветром и благоуханием цветущей зелени, жаркое, щедрое лето, дождливая, богатая красками осень и теплая бесснежная зима. Чистейшие реки, словно хрустальные ленты, извива-

ются среди пышных лесов и заливных лугов, вливаясь в зеркальную гладь озер. С севера и запада остров отделяет от материка пролив, словно защитная стена, охраняющая его покой. Восток и юг омывается бескрайним океаном.

Сила созревавшая на этом месте чистая и нежная.

"Авалор",- шепнул Создатель. В этот самый миг Сила ожила и стала духом. Дух-Хранитель сделал первый глубокий вдох.

" Я, Авалор",- задумчиво произносит Дух. Он видит Создателя и они улыбнулись друг другу.

Шепот деревьев, журчание ручьев, озорные, смешливые солнечные лучи слились с ним в единое целое, он слышит, видит и чувствует всё одновременно. Его энергия заполнила собой весь остров, пока не вышла за его пределы, поднимаясь высоко в небесные своды и проникая глубоко в недра земли.

Там далеко за пределами своих владений энергии Авалора, словно тончайшие, светящиеся нити, переплетаются с энергиями других Сил, становясь частью безупречного узора Создателя. Необъятное количество знаний, мудрости и опыта идёт к нему по этим нитям, от неба и земли.

Глава 2

Гостья.

Оживший остров незамедлительно привлёк внимание Фауны, которая ворвалась туда со всем своим разнообразием:

— Приветствую, хозяин острова! — раздался в тишине игривый женский голос. — Суета прибыла, открывай ворота!

- Какие ворота? Что происходит …? - задумчиво пробормотал Дух-Хранитель. Неожиданный визит другого Духа смутил его, ведь он никогда не сталкивался с подобным.

Тем временем Фауна, будто вихрь, стремительно перемещалась по острову, оценивая его богатства и возможности. "Какой чудный смешанный лес! Столько хвойных деревьев, здесь определенно будут белки! И птиц побольше. А вон там, на той поляне, будут пастись олени — им здесь точно понравится. О, какое замечательное место для волчьей стаи!" — без усталости рассуждала она, словно не замечая своего собеседника.

- Кто ты вообще? - наконец, не выдержал и спросил Авалор.

- Я Дух как и ты. Только ты статичный, а я динамичный. Ты всегда тут, а я всегда в движении. Если и остановлюсь где-то, то не на

долго. - с улыбкой ответила Фауна.

- Как твоё имя? - поинтересовался Авалор, все еще пытаясь осознать происходящее

- Фауна, покровительница всего живого, - громко и уверенно ответила она. Вслед за ответом на острове то там, то тут запорхали яркие бабочки — золотистые, изумрудные, лазурные. Авалор, очарованный этим зрелищем, замер, провожая их взглядом. Крылья трепетали на солнце, переливались, и он так увлёкся, что не заметил, как вокруг начали появляться стрекозы с прозрачными крыльями, жуки в металлических панцирях, пчёлы, деловито жужжащие над первыми цветами. Затем прилетели птицы — певчие, яркие, суетливые. А чуть поодаль промчалось стадо мигрирующих оленей, и земля вздрогнула от копыт.

Лишь нарастающая какофония — стрекот, жужжание, щебет, топот — отвлекла хранителя от порхающих красавиц. Он слегка ошарашенно огляделся.

— Я Авалор, — произнёс он, словно только сейчас вспомнил, что должен представиться.

— Приятно познакомиться, — бросила Фауна на ходу, даже не обернувшись. — Ты создал замечательное место. Здесь будет кипеть жизнь!

Его степенная, размеренная натура не поспевала за прыткостью Фауны. Оставалось лишь с восхищением наблюдать как виртуозно она делает свою работу.

Авалор и сам не заметил как привязался к животным, как

они стали частью его самого. Сейчас он чувствовал сердцебиение трепетной лани также отчётливо как течение своих подземных рек. Все существа острова связаны с ним, незримыми узами и он уже не представляет своего существования без них. Да и с самой Фауной у них завязалась искренняя и по детски наивная дружба. Хотя он с трудом понимал её быструю, путанную речь, но её живость и выдумки его забавляли. Как только все живые существа обрели дома, Фауна поспешила на новые земли.

Когда-нибудь она заглянет в гости снова, навестить своих любимцев.

Глава 3

Смерть бабочки.

В час расставания весь остров наполняют порхающие красавицы. Они кружатся в прекрасном, почти невесомом танце. Одна из них падает на лепесток алого цветка и складывает яркие крылышки в последний раз. Крохотная частица энергии, меньше песчинки, выходит из её тельца и устремляется в небесную высь, туда, где нет ни боли, ни времени.

Авалор мрачнеет. Над островом собираются тяжёлые тучи, между деревьями проносится холодный, пронизывающий ветер.

— Она возродится, — тихо говорит Фауна, стараясь успокоить его. — Ты же сам видел: это не конец. Она лишь сменит форму. Перейдёт в иное состояние, но не исчезнет.

- А как же эта форма? Как же эта красота? - грустно шепчет Дух острова в ответ.

Слова его ещё звучат в воздухе, а остров уже начинает меняться. Небо тяжелеет. С запада наползают свинцовые тучи, они наваливаются всей своей массой, будто решили опуститься на землю. Свет меркнет, на остров опускаются серые, давящие сумерки. Воздух, ещё недавно напоённый ароматами цветов и трав, становится тяжёлым, холодным, почти

осязаемым.

Срывается ветер. Он мечется между стволами, воет в кронах, несёт не свежесть — горечь. Он срывает лепестки с цветов, ломает молодые побеги, хлещет по листьям, и те скручиваются, словно пытаются спрятаться от этой боли.

Вдалеке полыхает молния — не яркая, живительная, а зловещая, багровая, раскалывающая небо надвое. Гром катится медленно, тяжело, как похоронный звон. Падают первые капли дождя — но это не благодатный ливень, что поит корни. Дождь ледяной, едкий; он оставляет на листьях ожоги, и там, куда падает его капля, ткань растения чернеет и отмирает.

Вокруг нет пения птиц. Те немногие, что ещё держатся, сидят на ветках, нахохлившись, и молчат. Насекомые исчезли. Тишина стоит такая, что слышен лишь треск ломающихся сучьев да тяжёлое, прерывистое дыхание самого острова.

— Мы не имеем права на скорбь, — сказала Фауна серьёзно, осторожно и почти шёпотом. — Так мы можем призвать самую могущественную силу на земле. Смерть. Эта Сила проявлена через десятки Духов. Они словно армия. Непобедимая армия.

— Я знаю про Смерть, — тихо отвечает Авалор. — Просто… впервые умирает то, к чему я так привязан.

Фауна медлит, глядя на хмурое небо.

— Посмотри наверх. Небо стало твоим настроением — пасмурным, тяжелым, с грозовыми тучами. Если ты остано-

вишь своё внимание на смерти, если позволишь тоске и грусти завладеть тобой, трава пожухнет, плоды сгниют, и всё живое погибнет. Ты не оплачешь ушедших — ты приумножишь саму Смерть.

- Со временем я привыкну к смерти живых существ, - спокойно ответил Авалор.

Ветер, ещё недавно рвавший ветви, стихает. Он превращается в лёгкое, едва уловимое дуновение, которое не ломает, а ласкает.

Оно пробегает по пожухлой траве — и там, где проходит его дыхание, зелень начинает возвращаться. Сначала робко, тонкими нитями, потом смелее, охватывая луг за лугом. Стебли, ещё минуту назад лежавшие на земле, распрямляются, наливаются соком, тянутся к свету.

Птицы возвращаются не сразу. Первой робко подаёт голос какая-то пичуга в кустах — коротко, вопросительно. Ей отвечает другая, третья, и вот уже воздух наполняется щебетом, свистом, переливами.

Солнце опускается к горизонту, окрашивая всё в мягкие золотистые и розовые тона. Сумерки спускаются на землю нежной, убаюкивающей дымкой, в которой растворяются последние тени прошедшей бури.

Друзья некоторое время стояли в тишине, любуясь восстановлением порядка.

Фауна уже готовая перемахнуть через пролив на материк вдруг заговорила — быстро, словно боялась не успеть:

— По поводу живых существ. Озёра и реки здесь полны пресной водой, твои земли плодородны, в их недрах есть золото и самоцветы. Возможно, на твоём острове когда-нибудь появятся люди. Но я к ним не имею никакого отношения.

- Люди? - переспросил Дух-хранитель, но Фауна уже покинула его.

Золото , самоцветы, плодородная почва, пресные водоёмы... Авалор из её слов, толком ничего не понял.

Глава 4

Марэна

Слово "люди" крепко засело в мыслях Авалора, его сознание потекло по нитям неба и земли, собирая все возможные знания о этих непонятных созданиях. Найденная информация оказалась противоречивой и лишь запутала Духа-Хранителя, люди полные созидательного начала и разрушительной ярости, бесконечной жажды знаний и глубочайшего невежества, доброты и жестокости.

"А может они просто не найдут меня? Или им тут не понравится и они сразу меня покинут.. В конце концов они могут прийти только с материка, через пролив. Пролив Марэны. Если договорится с владычицей пролива, она их просто не пропустит. Надежда есть." ,- подумал Авалор.

Владычица пролива, могущественная ундина Марэна и Авалор в некотором смысле были "соседями", они знали о существовании друг друга, но никогда раньше не встречались. Дух острова уже видел морских дев у своих берегов и оценил их как хитрых и коварных существ, которым лучше не переплывать дорогу. Попасть в немилость к этим барышням было крайне легко. Благодаря их капризной, переменчивой и непредсказуемой натуре, они были готовы обидеться по малейшему поводу и сразу же перейти к мести. Не являясь сторонником конфликтов он решил просто их игно-

рировать, но сейчас ему нужно было уговорить одну из самых могущественных ундин помочь ему. В сознании Авалора возникла идея, которая и помогла ему решиться на столь рискованную встречу.

У водных прелестниц есть одна слабость – неудержимая любовь ко всему блестящему. Дух острова не раз наблюдал, как они, расположившись на пологих камнях у его берегов, украшают свои длинные волосы жемчугом, искрящимися кристаллами и драгоценными камнями, найденными на морском дне. Русалки собирались группами и днями напролёт смеялись звонкими, похожими на плеск волн голосами, спорили из-за особенно красивых украшений и подолгу любовались своим отражением в воде, примеряя то одну, то другую драгоценность.

Дух-хранитель приготовил для владычицы пролива исключительный подарок. Южная часть острова источала колоссальный поток женской энергии — минералы, сокрытые в этой земле, были не просто сверкающими безделушками, а истинным сокровищем, способным многократно приумножить силы и потенциал своей обладательницы.

К счастью, Марэна сразу приняла приглашение Авалора. Она появилась из глубины пролива, в самой северной его точке, где он брал своё начало.

Неспешно, с достоинством истинной владычицы, она выплыла на большой плоский камень, взмахнув мощным хвостом, и замерла на мгновение, глядя на берег с высоты сво-

его величия. Волны расступались перед ней, словно признавая её власть.

Затем, плавно опираясь на руки, ундина поднялась и расположилась на камне, словно морская царица, восседающая на троне, — спина прямая, подбородок чуть приподнят. Её длинные, чёрные как смоль волосы струились по плечам и спине тяжёлыми водопадами, обрамляя белоснежное лицо с точеными скулами и полными губами цвета коралла. Глаза её были ярко-синими, глубокими, с мерцающим холодным отливом.

Чешуя хвоста переливалась всеми оттенками синего и чёрного: при каждом движении чешуйки вспыхивали то изумрудным, то сапфировым, то фиолетовым светом, словно сотни драгоценных камней.

— Приветствую тебя, владычица Марэна, — произнёс Авалор и тут же смутился, ощутив на себе пронзительный взгляд ундины.

— Приветствую тебя, хозяин острова Авалор, — надменно ответила она, чуть приподняв подбородок.

— Позволь преподнести тебе, в знак добрососедского расположения, небольшой дар, — учтиво продолжил хозяин острова.

В тот же миг рядом с ундиной возник полуметровый лунный камень — чистейший, прозрачный, с мягким мерцанием, исходившим из самой его глубины. Завидев переливающийся самоцвет, пусть и не обработанный, владычица иг-

риво взмахнула хвостом, и на её губах появилась довольная улыбка.

— Я знаю, что тебя беспокоит, — голос Марэны стал мягче, почти участливым. — Но я не в силах тебе помочь.

— Люди настолько сильны? — осторожно спросил Авалор.

— Ты привык к питомцам Фауны, — усмехнулась ундина. — Привыкнешь и к питомцам Создателя.

Она звонко рассмеялась и в этом смехе слышалось знание того, что самому Авалору ещё только предстояло постичь.

Дух-хранитель поблагодарил её за визит. Марэна, как ни в чём не бывало, ловко обхватила увесистый подарок обеими руками и с лёгкостью, удивительной для такого камня, скользнула обратно в воду. Хвост мелькнул на прощание чёрно-синим всплеском — и владычица пролива исчезла в глубине, оставив после себя лишь расходящиеся по воде круги.

Авалор остался один.

«А может, люди просто не найдут меня? — размышлял он, глядя на спокойную гладь пролива. — Или им здесь не понравится, и они сразу же покинут остров. Надежда есть».

Он повторял это снова и снова, но голос его звучал неуверенно. Где-то глубоко внутри, там, где ещё недавно была только тишина и покой, теперь зарождалось смутное беспокойство.

Глава 5

Люди.

Надежда Авалора рухнула, подобно скале, обрушившейся в море. Первые люди пересекли пролив и высадились на западной части острова. Они нашли его. Мало того — он им пришёлся по душе. Первозданная красота, чудесный климат, изобилие ресурсов, удивительный животный мир — всё это привлекло поселенцев, заставив их обосноваться на этой земле.

Поначалу Авалор пытался не замечать пришельцев, но с каждым днём это становилось всё сложнее. Стоял такой шум и гам, что игнорировать их присутствие было попросту невозможно. «Новосёлы» рубили деревья для жилищ, рыли землю в поисках минералов, охотились на зверей, ссорились между собой — и казалось, вот-вот перевернут весь остров вверх дном.

Охотники стали первыми, кто привлёк внимание Духа-хранителя. Ни один хищник прежде не проливал столько крови, сколько они, а сами хищники теперь оказались добычей. Помня о своей дружбе с Фауной, Авалор старался оберегать животных от людей. Но зверобои проявляли недюжинную смекалку и редкую настойчивость, преследуя жертву. Стоило Духу острова увести следопытов в сторону, как тут же подключались их соплеменники, изобретая всё более

хитроумные ловушки и орудия охоты.

Противостояние вынудило Авалора присмотреться к людям. Дух-хранитель наблюдал за ними, изучал их способы организации жизни, поведение, повадки. К этому моменту люди на острове разделились на три племени.

Северяне в большинстве своём были светловолосыми и голубоглазыми, обладали спокойным нравом. Мужчины племени — крупные, высокие, с грубыми чертами лица — казались ещё массивнее на фоне стройных, миловидных северянок, которые обычно с ног до головы были увешаны украшениями из бирюзы. Этот камень считался у северян священным: им украшали оружие, посуду, предметы обихода и ритуальные артефакты.

Жили северяне в небольших одноэтажных домиках, которые окружали центральное, более значительное по размерам строение — хибару. Хибара представляла собой одноэтажную деревянную постройку круглой формы, со столами и скамьями по краю, и служила местом для судилищ, гуляний, ритуалов, собраний и свадеб. В зависимости от повода центральное пространство хибары предназначалось либо для того, кто обращался к племени, либо для танцев. А танцевать северяне, надо сказать, очень любили.

С малых лет, под присмотром старших мастеров, дети осваивали ремёсла и промыслы. И как только мастер при-

знавал своего ученика или ученицу, северяне строили новый дом.

Люди севера не искали драки, но и не бежали от неё. Это быстро поняли соседи с запада, которые то и дело захаживали на их территорию. Получив несколько раз достойный отпор, они прекратили свои вылазки.

Людям запада не нужен был особый повод, чтобы пролить кровь соплеменника или другого жителя острова. Они называли себя ордой и жили в просторных шатрах. Шатры ордынцев также располагались вокруг центрального сооружения — арены, где проходили кровавые поединки. Чем ближе к арене стоял шатёр, тем выше был статус его хозяина.

Мужчины и женщины племени — ордынцы и ордынки — имели атлетическое телосложение, смуглую кожу, резкие черты лица, чёрные волосы, чёрные или тёмно-карие глаза. Костяк орды составляли охотники, так как питались они в основном мясом. Лучший охотник становился вождём племени. Каждый рассвет для ордынцев был знаком начала схватки за само право на существование, и никто не мог поручиться, что встретит закат.

Никто, кроме мастеров, которые обладали особым статусом и считались лучшими на острове. Выше других ценились мастера по выделке кожи животных — люди запада носили одежду из кожи. Далее шли мастера, изготавливавшие орудия, оружие и украшения. Нападение на любого масте-

ра жестоко каралось: они и их имущество были неприкосновенны.

Воины тоже желали поставить свои шатры ближе к арене. Получив оплеуху от северян, они не успокоились и двинулись на восток. Но, несмотря на все усилия, их снова настигло поражение — ещё более унизительное, чем на севере. Ведь восточные люди одолели их без оружия, голыми руками.

Племя востока называло себя насмешниками. Светлокожие, высокие, стройные, но при этом крепкие, обладатели всех оттенков рыжих и светло-русых волос, голубоглазые и зеленоглазые, они появились на острове совершенно необычным способом. Дух-хранитель до сих пор ощущал в воздухе тот тонкий надрез материи, возникший в самом центре восточных земель, — царапину, оставшуюся от портала. Откуда портал привёл этих людей на остров, Авалор не знал, но очень быстро они заслужили его расположение.

Благодаря ярким, красочным одеждам и невероятной любви к общению, со стороны насмешники походили на неугомонную стаю экзотических птиц. Всё поселение было наполнено хаотично расположенными домами и домишками в несколько этажей, разных цветов и стилей. У восточного племени не было центрального здания, где собиралось бы всё племя. Как правило, они встречались небольшими группами по интересам. Но поскольку один человек мог входить

в несколько таких групп, информация распространялась по племени с невероятной скоростью.

Провинившегося насмешника подвергали домашнему аресту без гостей. Это означало отсутствие собеседников и становилось серьёзным испытанием для бедолаги.

Люди востока были не только лучшими зодчими на острове, но и первыми, кто начал строить рыбацкие лодки. Питались они растениями, плодами фруктовых деревьев и рыбой, добытой в океане. Все они без исключения обладали магическими способностями — именно это и помогло насмешникам утереть нос воинам орды.

Несмотря на все различия, у трёх племён были и общие черты. Все они говорили на одном языке и пользовались единой календарной системой — лунной.

Глава 6

Видящие.

Хозяин острова не мало удивился, когда люди стали ощущать его присутствие. Некоторые из них даже смогли его увидеть. Вскоре таких начали называть "видящими".

На востоке, где магия и духи были частью повседневной жизни, видящими были почти все. Насмешники, появившиеся на острове через портал, принесли с собой не только необычные знания, но и тонкую чувствительность к незримым силам. Для них способность различать духов, чувствовать течение энергий и видеть то, что скрыто от обычного взгляда, считалась столь же естественной, как умение дышать или говорить. Дети с ранних лет учились распознавать присутствие духов. Благодаря этому насмешники довольно быстро распознали нрав Духа-Хранителя. Они с почтением относились к природе соблюдая законы гармонии и не пытались войти с ним в контакт или навязываться каким-либо другим способом.

На севере всё было иначе. Здесь лишь один или два человека в племени обладали этой способностью. Они не искали славы и не стремились к общению с духами — дар приходил к ним сам, часто неожиданно, и они принимали его с молчаливым смирением. Северяне поставили в хибаре отдельный

стул для Духа, показав, что он всегда желанный гость в их племени.

На западе видящие встречались ещё реже — порой один на всё племя. Как правило их способности были скромны, но всё неувиденное они лихо компенсировали своей фантазией и умением истолковать любое видение в нужную сторону. Ордынцы жили силой рук и остротой клинка, они не привыкли доверять тому, что нельзя потрогать или поразить. И всё же видящий занимал второе место после вождя, и племя слепо верило каждому его слову.

Как-то один из видящих убедил ордынцев, что знает, как заручиться поддержкой Духа острова в борьбе с насмешниками. Мастера орды вырезали из дерева внушительную фигуру в честь Духа и установили её — перейдя границу на несколько сотен метров — прямо на восточных землях.

Насмешники не посмели бы убрать идола, но у ордынцев появился повод безнаказанно вторгаться на их территорию. Однако восточное племя ответило незамедлительно. Посещая идола одновременно с ордынцами, насмешники устраивали целое театральное представление, которое неизменно включало в себя оскорбительные и колкие шутки в адрес соседей.

Самого Авалора «нелепая поделка» поначалу раздражала.

Он даже хотел лишить земли запада урожая — уж больно грубый и агрессивный вид был у деревянного истукана. Но постепенно, наблюдая за поклонением ордынцев, за их попытками выразить своё уважение и почтение, пусть даже в такой несуразной форме, Авалор смягчился. Запад избежал наказания, но и особого расположения не снискал.

Авалор относится ко всем трём племенам одинаково. Ему нет дела до их конфликтов и споров. Сейчас он всеми силами пытается сохранить ускользающую гармонию. Словно заботливый хозяин, он трепетно заботится о каждом листочке и каждом ручейке. Его энергия, подобная мощному, но нежному потоку, проникает глубоко в недра земли, питая корни древних деревьев и подпитывая подземные реки.

Глава 7

Огонёк на севере.

Поколение за поколением люди меняли остров, а он, в свою очередь, сам не желая того изменял их. В нескончаемой веренице трансформаций Авалор старался оставаться нейтральным и безучастным наблюдателем, не замечая как медленно, шаг за шагом люди становились его частью. Он видел как они рождаются, видел как они умирают. Как соплеменники погребают их гнилую плоть и как возносятся в неизведанную высь, разной величины и цветов, энергетические комочки, их души.

Всё изменилось резко и навсегда в тот самый момент, когда Авалор почувствовал на севере нечто необычное — маленький, но очень мощный сгусток энергии.

Дух-хранитель осознал: родилась душа острова, соль его земли. День за днём он искал её и нашёл. Анома, любимая и единственная дочь старейшины племени Ивана, была настоящим воплощением северной красоты: её голубые глаза светились, как небо в ясный день, а белые, слегка вьющиеся волосы ниспадали до самой поясницы. С каждым днём, проведённым рядом с этой юной девушкой, Дух-хранитель всё больше привязывался к ней. Этот маленький огонёк, золотистое свечение, исходившее от неё, её улыбка, смех и нежный голос наполняли его существование радостью. Чувствуя

незримую связь с Аномой, он стал оберегать каждый её шаг. Он заботливо расчищал камешки с её пути, нагибал ветви деревьев со спелыми плодами, чтобы она могла легко дотянуться до них. Это не осталось незамеченным другими членами племени, которые начали шептаться о том, что Анома словно окружена особым вниманием.

Когда дочь старейшины попала на обучение к видящему Лунарию, он был поражён глубиной её знаний об острове. Несмотря на то что она никогда не покидала пределы своего племени, девушка могла с лёгкостью указать расположение богатых залежей бирюзы и золота, о которых никто из северян не знал. Более того, она рассказала о золотой ограме — легчайшем и прочнейшем дереве, из которого северяне начали изготавливать повозки, телеги, а позже и кибитки.

Вместе с учителем Анома составила сборник лекарственных и ядовитых растений севера. Она также собрала рецепты лечебных снадобий и отваров, которые можно было приготовить из этих трав. Родители Аномы с гордостью смотрели на титульный лист рукописной книги, где красовалось название: «Анома и Лунарий. Знахарский сборник». Это произведение стало настоящим сокровищем для её племени, и северяне начали называть дочь старейшины «ведающей», выражая ей глубокое уважение и признание.

Сама девушка понятия не имела, откуда знает всё это. Чтобы разобраться в себе, она стала проводить больше времени на природе: исследовала леса и поля, собирала травы,

наблюдала за животными. Ведающая училась понимать язык природы, который открывался ей с каждым днём всё полнее. Её связь с Авалором становилась всё крепче, и Дух острова тоже чувствовал, что его роль меняется. Он уже не просто наблюдатель — он стал её защитником и наставником, помогая осознавать свою силу и предназначение. Авалору казалось, что он обрёл ещё одного друга, такого же, как Фауна.

Цикл за циклом, год за годом энергия девушки росла и всё сильнее притягивала к себе Духа-хранителя.

Когда Аноме исполнилось шестнадцать, обычно неспешный и отстранённый Авалор принял роковое решение: обрести человеческий облик и прийти в мир людей. Прийти к ней. Коснуться её белокурых локонов, украшенных заколками из бирюзы, и её прекрасных рук.

В нём не было ни сомнений, ни противоречий. Он не раздумывал. Несмотря на всю серьёзность этого шага, на все последствия, которыми обернётся его поступок, он сделает это.

Дух острова любил эту душу всем своим существом. Он видел: Создатель отмерил Аноме девяносто счастливых лет. А он, даже став человеком, проживёт долгие-долгие века. Но, несмотря ни на что, Авалор решался воплотиться.

Глава 8

Алтарь.

Даже имея неограниченный доступ ко всем знаниям мира, Авалору пришлось изрядно потрудиться, чтобы найти «рецепт» материализации. Но всё же он его нашёл. Для того чтобы попасть в мир людей, Духу требовалось особое приглашение от представителя рода человеческого. Нужен был контактер, посредник — и желательно из северного племени.

Дух острова вселился в деревянного истукана. Мгновение — и безжизненная фигура ожила. Из грубого, топорно вырезанного дерева хлынул поток света — мягкого, лунного, — который заструился по земле, проникая в каждую трещину, в каждую травинку. Воздух наполнился гулом: не громким, но глубоким, заставляющим вибрировать всё вокруг. Это был зов.

Лунарий услышал его. Он находился на своей кухне, разбирал высушенные коренья, когда вдруг замер. Внутри него словно что-то дрогнуло, отозвалось на незримый призыв. Не медля ни мгновения, он поднялся, накинул плащ и вышел в ночь.

— Лунарий! — окликнул его старейшина, появившийся из соседнего дома. — Куда ты собрался в такой час? И что это за… — он запнулся, подбирая слово, — что за гул стоит над лесом?

— Зов, — коротко ответил Лунарий, даже не обернувшись. — Он зовёт.

— Кто зовёт? — старейшина нахмурился, вглядываясь в темноту, где над верхушками деревьев разливалось странное, нездешнее свечение.

— Дух острова, — сказал Лунарий, и в голосе его не было страха — только уверенность. — Я должен идти. Один.

— Один? — старейшина усмехнулся. — В такой час, к идолу, который поставили ордынцы? Нет. Если ты идёшь — мы идём с тобой.

— Мы? — удивился видящий.

— Дай мне пару минут. Я соберу небольшой отряд для похода. Да и не пешком же нам отправляться в путь.

Лунарий на мгновение замер, словно прислушиваясь к чему-то, не слышному для остальных. Затем кивнул:

— Пусть будет так.

Через несколько часов они выступили в путь — старейшина, Лунарий и небольшой отряд воинов. Дорога заняла несколько дней. Всё это время они шли молча, без лишних вопросов, потому что каждый из них тоже ощущал ту странную, зовущую силу, исходившую от восточной границы.

Достигнув границы восточных земель, они приблизились к идолу осторожно, держа оружие наготове. Но чем ближе подходили, тем яснее понимали: угрозы нет. От деревянного исполина исходил ровный, спокойный свет, а сам он — некогда грубый и топорный — казался теперь иным. Черты

его смягчились, в глубоких глазницах замерцало что-то живое, разумное.

Лунарий остановился первым, вглядываясь в лицо истукана. Воины замерли у него за спиной, сжимая копья.

Голос идола услышали все. Пребывая в полнейшем шоке от происходящего, они внимали каждому его слову. Авалор дал чёткие указания и подробные наставления о том, как построить каменный алтарь, из которого в северное племя придёт защитник острова. Северяне запомнили его слова в мельчайших деталях.

Когда голос идола смолк, они низко поклонились деревянной статуе и в полном молчании направились домой. Каждого из них одолевали сомнения и вопросы, которые так и не решились озвучить вслух — ни перед другими, ни даже перед самими собой.

* * *

По возвращении в племя Иван созвал собрание в хибаре. Люди с волнением смотрели на него и Лунария, которые стояли в центре и всё время переглядывались.

— Мы кое-что построим для духа острова, — неуверенно начал Иван. Народ в хибаре принялся перешёптываться — обычно старейшина говорил много и быстро, а сейчас запинался, подбирая слова.

— Это во благо, — подхватил Лунарий, пытаясь поддер-

жать старейшину и успокоить нарастающий гул голосов. — Во благо.

Люди действительно замолчали, но атмосфера стала напряжённой и тяжёлой. Тревога повисла в воздухе, и никто не решался нарушить тишину первой.

Тогда дочь старейшины решила прийти на помощь отцу и учителю. Анома легко проскользнула между зрителями и встала рядом с выступающими.

— Мы благоденствуем и процветаем, — заговорила девушка, и голос её звучал ровно и спокойно. — Мы живём в гармонии с островом. Он заботится о нас и посылает нам защитника. Так примем же его как желанного гостя.

Она указала на пустой стул, который северяне установили для Духа острова, словно напоминая всем, что незримый гость уже давно присутствует среди них. По хибаре прокатились одобрительные возгласы — напряжение разом спало, уступая место облегчению и надежде.

Лунарий глубоко выдохнул, плечи его опустились, и он, опираясь на Ивана, вместе с ним направился к выходу.

* * *

Место, где развернулись работы, находилось в нескольких днях пути от поселения, поэтому было решено организовать небольшой временный лагерь. Построили подобие хибары, где на ночлег устраивались мастера и рабочие.

Иван и Лунарий прогуливались неподалёку от лагеря, оценивая фронт предстоящих работ.

— Солнцестояние наступит с рассветом, нужно начинать, — сказал видящий, внимательно вглядываясь в ночное небо.

— Лунарий, ты читаешь звёзды. Скажи мне: видишь ли ты знак великих бед? — вдруг обратился к нему Иван.

— Ты ищешь причину того, почему Дух острова посылает нам защитника. Я тоже искал, — спокойно ответил Лунарий. — Не будет великих бед, не будет страшной войны. Но я вижу: за защитником придёт первый правитель острова. Ребёнок, которого посланец приведёт за руку и которому сам Создатель даст право повелевать и властвовать. Все племена поклоняться ему. Земля даст имя его Роду, а небо даст имя ему.

— Этот ребёнок будет из северян? — осторожно спросил Иван.

— Я не настолько хороший видящий, — рассмеялся Лунарий.

Иван тяжело вздохнул и через силу улыбнулся. Они вернулись в лагерь и стали готовиться ко сну, но старейшина не мог уснуть до самого рассвета.

«Что за ребёнок? Как он будет относиться к нашему племени? Будет ли он мудрым и справедливым правителем для всех?» — без остановки думал он, глядя в темноту над головой.

* * *

В двадцать четвёртый день первого летнего цикла, когда солнце стояло в самом зените и тени сжались до крошечных

пятен у ног, северяне приступили к строительству.

Лучшие мастера севера взялись за работу. С рассвета до заката кипел труд: одни добывали огромные глыбы, другие с невероятным терпением очищали их от лишней породы, обтёсывали, шлифовали, доводя поверхность до гладкости. Воздух над стройкой гудел от перестука молотов, звона зубил и тяжёлого дыхания работающих мужчин. Пот стекал по спинам, смешиваясь с каменной пылью, но никто не роптал.

После того как камень обретал нужную форму, в дело вступал Лунарий. С невероятной тщательностью, затаив дыхание, он высекал на поверхности сложные символы — древние знаки. Каждая линия, каждая засечка имела своё значение. Он работал медленно, словно вплетал в камень невидимые нити, связывающие этот мир с миром иным.

Цикл за циклом, месяц за месяцем, год за годом северяне возводили алтарь. Менялись времена года: листва на деревьях зеленела, желтела, опадала и снова распускалась. Мастера сменяли друг друга, но работа не останавливалась ни на день.

Через три года кропотливого труда всё было завершено.

Грандиозное сооружение, высотой около трёх метров, вознеслось на фоне окружающей зелени, сияя отполированными гранями. Основание алтаря было круглым, ровным, около шести метров в диаметре. По краю, словно стражи, стояли три огромных валуна, равноудалённые друг от друга, с округлыми вершинами, напоминающими плечи великанов.

Вся поверхность алтаря — и основание, и валуны — была испещрена символами и знаками.

Временный лагерь, где всё это время жили строители, северяне разобрали до последнего колышка. Словно и не было здесь трёх лет тяжёлого труда и лишь примятая трава напоминала о нём какое то время.

* * *

В четвёртый день второго весеннего цикла, на закате, Иван явился к алтарю. Он сел рядом на землю и стал ожидать появления защитника острова. В руках его был плед. Зачем нужен плед, Иван не понимал — просто следовал указанию идола.

Ласковое весеннее солнце прощалось с землёй. Последний лучик упал на один из символов, и началось невообразимое. Символ начал светиться, через мгновение из него, словно отражённый от зеркала, вышел новый луч, попав на другой символ. С невероятной скоростью нити света пронизали все знаки, заставив их светиться. Заметив, как световые лучи становятся всё толще и ярче, Иван встал и отошёл на несколько шагов. Напряжение росло и росло, пока не раздался мощный взрыв. Ударной волной Ивана снесло, и он кубарем покатился по мягкой траве.

Когда староста пришёл в себя и встал, то увидел в центре постамента голого мужчину. Иван подошёл к нему и протянул плед — роль его наконец стала ясна. Издалека незнакомец походил на северянина: высокий, широкоплечий, креп-

кого телосложения блондин с голубыми, как небо, глазами. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживались отличия. Черты его лица были мягче, прямой нос, чётко очерченные губы красивой формы. На вид ему было около двадцати двух — двадцати пяти лет. Мужчины севера были выше и крупнее своих соседей, но этот удалец был просто огромен.

— Я Иван, старейшина северного племени, — приветствовал гостя северянин, который ещё отходил от увиденного.

— Я Авалор, защитник острова, — учтиво ответил блондин.

Старейшина усадил гостя в повозку с лошадьми, и они поехали в сторону поселения..

Глава 9

Быть человеком.

Сейчас, находясь в человеческом теле, Авалор ощущал всё иначе. Это было подобно пробуждению в совершенно незнакомой реальности — словно он всегда существовал во сне, а теперь наконец открыл глаза, но вместо привычного мира увидел лишь его бледную тень.

Зрение, которое он обрёл, кардинально отличалось от видения духов. Раньше его взор охватывал весь остров разом, проникая сквозь толщу земли и глубину неба, ощущая одновременно каждый камень, каждое дерево, каждое дуновение ветра. Он видел не только внешнюю оболочку, но и саму суть вещей — их энергию, историю, связь со всем сущим. Теперь же, заключённый в человеческое тело, он воспринимал мир ограниченно, будто сквозь узкую щель. Всё, что прежде было единым полем знания, распалось на тысячи осколков, каждый из которых требовалось разглядывать по отдельности.

Зелёные луга, ранее являвшиеся для него единым энергетическим потоком, где он различал лишь общие токи жизни, теперь предстали во всей своей материальной сложности. Каждая травинка, каждый цветок, каждая капля росы на листьях — всё это требовало отдельного восприятия, словно вместо величественной симфонии он теперь слышал лишь

отдельные, разрозненные ноты. Даже привычный ему северный пейзаж, который он знал до мельчайших подробностей, с его мшистыми полянами и журчащими ручьями, теперь казался чужим и каждое движение требовало осторожности.

Его связь с природой, некогда абсолютная и всепроникающая, значительно ослабла. Если раньше он был самим островом — его дыханием, его пульсом, его памятью, — то теперь он стал лишь частью его, и эта часть была ограничена стенами из плоти и крови. Он всё ещё чувствовал землю под ногами, всё ещё слышал шёпот ветра, но теперь это было похоже на разговор через толстую стену: слова доносились, но теряли свою глубину и силу.

С удивлением обнаружив на ночном небе отпечаток своего нового человеческого пути, он понял, что всё ещё обладает способностью читать звёзды. Авалор страстно хотел, как и прежде, понимать основные природные закономерности, но отныне это знание было фрагментарным, неполным — словно затуманенное пеленой. Шёпот ветра в кронах деревьев, шелест травы под ногами, глубокое дыхание земли — всё это исчезло, уступив место новым ощущениям. Теперь он отчётливо слышал собственное человеческое дыхание, свой пульс, биение своего сердца — звуки, которые раньше были ему недоступны.

Его способности, лёгкость перемещения в пространстве, которыми он обладал как бесплотный дух, полностью исчезли. Теперь он был прикован к физическому телу и его огра-

ниченным возможностям. Он больше не мог перенестись в любую точку острова по сиюминутному желанию — приходилось идти ногами, прикладывая усилия.

Он тщательно изучал своё новое тело, словно пытаясь разгадать сложный механизм. Рассматривал своё отражение в реке, привыкал к своему новому образу, к своей оболочке. Его пальцы, руки, ноги — всё это казалось ему удивительным и новым. Впервые он познавал мир через пять чувств. Впервые ощущал вкус пищи. Тепло дня и прохлада ночного воздуха впервые касались его кожи. Аромат цветов впервые проникал в него при вдохе. Вся гамма ощущений — от нежной ласки утренних лучей до жгучей боли от случайного падения — была для него новой, невероятной.

"Не убился бы защитник раньше времени", - думал Иван наблюдая как Авалор врезается в деревья, спотыкается, падает, неумело ест и пьет.

— Откуда ты прибыл, Авалор, и кто твои родители? — начал разговор Иван во время первой ночной стоянки.

— Я прибыл из другого мира, но мой мир также связан с этим островом, как и ваш. Мои родители — Земля и Создатель, — вежливо отвечал юноша.

— Смотрю, ты с большим почтением относишься к отцу и матери, если называешь их так, — Иван по-своему истолковал ответ гостя.

«Другой мир», — вертелось в голове у Ивана. Он вспоминал всё, что увидел накануне, и не мог найти этому объяс-

нения.

— Я прибыл с миром и любовью. У вас нет повода для тревоги, — спокойно сказал Авалор и посмотрел на Ивана большими, по-детски наивными глазами.

Старейшина поверил не словам, а взгляду — полному доброты и чистоты. Он глубоко выдохнул и широко, искренне улыбнулся.

— Надо будет тебе одежду впору смастерить, как приедем, — неожиданно выдал Иван, наконец обратив внимание на внешний вид парня.

Авалор повязал плед на талии, словно банное полотенце, и сидел у костра напротив собеседника с голым торсом. В ответ на слова старейшины он лишь одобрительно кивнул.

За два дня пути юноша вполне адаптировался к своему телу. Он научился координировать движения, ходить и даже бегать, хотя бег ещё вызывал лёгкую одышку и некоторую неуклюжесть.

Глава 10

Встреча.

Закат второго дня окрасил небо в багровые тона. Солнце скрылось за зубчатыми вершинами гор, оставляя после себя алые и фиолетовые полосы, которые медленно таяли в наступающих сумерках. Староста ехал верхом на коне, но это не мешало ему вести оживлённую беседу с юношей, который спокойно сидел в повозке и рассматривал пейзажи, возникающие на их пути.

— Это сторожевые камни, скоро будем дома, — обратился Иван к юноше. Авалор одобрительно кивнул.

— Моя дочь с Лунарием придумали. Камни реагируют на чужаков. Ещё один камень стоит в деревне, и он светится, если тут вражина пройдёт. Это ж надо было так придумать! — с гордостью рассказывал Иван.

— Хорошо придумали, — спокойно ответил Авалор, который и поведал Аноме это знание. Однажды она увидела раненых северян после схватки с ордынцами и проплакала несколько дней. Тогда, ещё будучи духом, Авалор нашептал сонной Аноме секрет создания сторожевых камней.

— Да мы северяне такие. Мы всё можем придумать, — весело сказал староста.

Поселение встречало путников ароматом древесной смолы, смешанной с терпким запахом тлеющих в домашних оча-

гах поленьев. Дым поднимался над крышами жилищ, словно причудливые деревья, тянущиеся к вечернему небу.

Иван остановил повозку возле большого мрачного дома, который стоял поодаль от всех прочих. Это был дом Лунария. Старейшина планировал разместить гостя здесь на ночлег, чтобы не подвергать его риску встречи с любопытствующими соплеменниками. Но как только повозка остановилась и Авалор с Иваном ступили на землю, их окружила толпа. Северяне тут же принялись осыпать старейшину и гостя вопросами. Казалось, сам воздух наполнился оживлённым гулом, напоминающим пчелиный рой.

С непривычки Авалор почувствовал, как голова пошла кругом от бесконечного потока звуков и взглядов. Он даже слегка пошатнулся, пока старейшина спокойно общался со всеми.

Неожиданно из шумной, гудящей толпы вышла Анома. В руках она держала деревянный резной кубок, до краёв наполненный водой. По обычаю, такой кубок подавали мужчинам, возвратившимся после дальней охоты или жестокой битвы.

На нём по-прежнему был лишь плед, небрежно накинутый на бёдра, и его широкие плечи, мощная грудь, всё это сильное, живое тело оставалось открытым для её взгляда. Анома невольно задержалась глазами на изгибе его мышц, на том, как свет угасающего дня ложится на его кожу мягкими тенями, и тут же почувствовала, как жаркая волна под-

нимается от шеи к щекам. Её белая, почти прозрачная кожа мгновенно вспыхнула румянцем, выдавая смущение, которое она так старалась скрыть.

Авалор увидел её. И в этот миг мир перестал существовать.

Чувства обрушились на него с такой неистовой силой, что он не смог сделать вдоха. Сердце, ещё недавно бившееся ровно и спокойно, вдруг пропустило удар, а затем забилось где-то в горле, часто, сбивчиво, словно пытаясь вырваться навстречу ей. В груди разлилось тепло — тягучее, сладкое, тревожащее.

Они замерли друг напротив друга, и шумная толпа вокруг словно растворилась, исчезла, превратилась в далёкое, не имеющее значения эхо. Не существовало больше ни любопытных взглядов, ни перешёптываний, ни вечернего неба, ни земли под ногами. Только она — светлая, с бирюзой в белокурых волосах, с этим кубком в руках, которых он так мечтал коснуться. Только он — стоящий перед ней, живой, настоящий, из плоти и крови, которого она ждала, сама того не зная.

Между ними не было ни звука. Только тишина — глубокая, наполненная тем, что невозможно выразить словами. Только взгляды, встретившиеся и не желающие расставаться. Только это мгновение, которое длилось вечность и было слишком коротким одновременно.

Старейшина мгновенно уловил искру, пробежавшую

между юношей и его дочерью, и поспешил их представить друг другу.

— Доченька, доброго вечера, родная. Это Авалор, защитник острова. Авалор, это моя дочь и гордость севера — Анома, — с лукавой улыбкой проговорил он и тут же вновь погрузился в разговор с собравшимися.

Пара поклонилась друг другу, не сказав ни слова.

Когда юноше наконец удалось перевести дыхание, его смятение подхватила сама природа. Поднялся ветер — сначала робкий, неуверенный, но в мгновение ока он перерос в настоящую бурю. По небу забегали молнии, их ослепительные вспышки сменялись раскатистыми ударами грома, сотрясавшими землю.

Растерянные северяне быстро разбежались по домам. Иван укрылся на крыльце, тревожно оглядываясь на дочь. И только Авалор и Анома продолжали стоять, не двигаясь с места, и смотреть друг на друга.

Сонный Лунарий открыл дверь и замер. На пороге стоял Иван, а за его спиной, на фоне полыхающих молний и раскатистых ударов грома, застыла парочка, не замечающая ничего вокруг.

— Дай человеку воды уже! — прокричал Лунарий, выведя девушку из оцепенения.

Анома словно очнулась от глубокого сна. Она протянула кубок Авалору и, опустив взгляд, начала тихо напевать. Плавная, тягучая мелодия разлилась в воздухе, проникая в

самое сердце, и буря, только что бушевавшая над поселением, начала стихать. Ветер утратил свою ярость, молнии погасли, и лишь далёкие раскаты грома ещё напоминали о недавней стихии.

— Всё будет хорошо? — обратился взволнованный Иван к Лунарию, не в силах скрыть тревогу. Буря и её явная причина растревожили сердце старосты.

— Всё будет интересно, — задумчиво ответил видящий, глядя на застывшую парочку.

Иван глубоко вздохнул и закатил глаза. Ещё несколько минут они с Лунарием молча наблюдали за юношей и девушкой, которые, казалось, не замечали ничего вокруг, а затем решили нарушить эту тихую идиллию. Лунарий пригласил гостя в дом, а Иван, взяв дочь под руку, увёл её в сторону их жилища, то и дело оглядываясь на Авалора, который всё ещё стоял на пороге, глядя им вслед.

* * *

Утром, проснувшись от пения птиц, Авалор обнаружил, что для него приготовлена одежда — удобные штаны и рубаха из грубого холста, сшитые заботливыми руками жены Ивана, которая трудилась над ними всю ночь. Завтрак — ароматный пирог с хрустящей корочкой, начинённый дичью и пряными травами. Ягодный нектар, сладкий и терпкий одновременно, был невероятно вкусным.

При свете дня дом Лунария больше не казался мрачным и пугающим. Это было просторное жилище, сложенное

из массивных, искусно обработанных брёвен, украшенных резными орнаментами, повествующими о древних легендах племени северян. Внутри царила атмосфера спокойствия и уюта, весь дом был наполнен запахами сосновой смолы и целебных трав.

Когда видящий вернулся с растениями, которые собирал на рассвете, он застал гостя у камина, точнее, рядом с камнем, оставленным возле очага. Авалор склонился над булыжником — примерно пятидесяти сантиметров в диаметре — и внимательно разглядывал высеченные на нём символы.

— Не беспокойтесь, я сегодня же отвезу его на алтарь. «Дверь», в которую вы вошли, будет заперта, — учтиво начал Лунарий.

Видящий совершенно точно осознавал, что перед ним стоит воплотившийся Дух острова.

— Ещё кое-что… — задумчиво произнёс гость.

— Ваш рецепт, где не хватает одного ингредиента? — спросил видящий.

— Почему ты так решил? Может, там пропущено больше одного элемента? — с улыбкой спросил Авалор.

— Я имел смелость поэкспериментировать с составом. Могу заявить: два элемента разрушат его основу. Там уместен и даже необходим всего один. Но вы его забыли, — печально произнёс Лунарий.

— Как ты это понял? — голос Авалора стал серьёзным.

— При всём уважении… когда вы «пришли» в наш мир,

звёздный атлас изменился. Появилась крайне тревожная перспектива… примерно через семьдесят лет. И по времени событий, и по логике — это смерть Аномы. Вы не могли не знать об этом до своего появления здесь. Значит, вы собирались изготовить эликсир бессмертия для неё. И если бы вы помнили этот элемент, звёзды встали бы иначе. На небе нет отметки бессмертия Аномы, как у вас…

— Это должно остаться между нами. Я найду этот элемент. Это трава, растущая на юге. Что-то очень простое. Что-то легкодоступное. Я обязательно вспомню. Но до тех пор сохрани мою тайну, — тихо сказал Авалор.

— Я унесу эту тайну в могилу. Но вам следует научиться контролировать свои эмоции. Вы вчера всех напугали.

— Я не хотел. Просто увидел её и…

— Вечером собрание в хибаре. Вам следует подготовиться. А пока отдыхайте.

Глава 11

Собрание в хибаре.

Весь день Авалор думал об этом последнем ингредиенте. Он умышленно не поведал Лунарию весь рецепт эликсира, так как не хотел, чтобы люди владели этим знанием. Защитник острова оставил в секрете всего один ингредиент, будучи уверен, что не забудет его. Но после материализации он помнил только то, что это растение с юга…

После сытного ужина Иван повёл Авалора в хибару. Внутри собрались жители поселения. Мужчины, женщины и дети с любопытством рассматривали гостя.

— Я пришёл с миром и любовью, — обратился Авалор к северянам.

«Пусть живёт среди нас как один из нас!» — выкрикнул кто-то из толпы, и люди тут же поддержали его одобрительными возгласами.

— Мне приятно ваше гостеприимство, и я с радостью задержусь на севере, но позже я отправлюсь на юг. На пустующие земли.

Анома, сидевшая среди прочих, была расстроена и растеряна. «Мои родители, моё племя… Я должна буду покинуть это?» — подумала она. Слёзы покатились по её лицу. Не в силах ждать окончания собрания, девушка поспешно вышла

из хибары. «Пусть едет куда хочет. Нужен он мне больно. Жила без него и проживу», — думала она, вытирая лицо.

Дочери старосты было совершенно всё равно, что они с Авалором не сказали друг другу ни слова, и что между ними не было ничего, кроме взгляда во время непогоды. В её мыслях он уже стал её мужчиной, который не имеет никакого права уезжать туда, куда ей не хочется, чтобы он ехал.

Оказавшись возле пруда, она легла на мягкую траву и посмотрела в ночное небо. Анома с лёгкостью нашла там отпечаток своей судьбы и удивилась изменениям. Отныне их с Авалором жизненные пути плотно переплетались, словно две реки, сливающиеся в одно русло, но было ещё кое-что… да, это знак вечности на его судьбе.

— Он бессмертный?! — не удержалась и выкрикнула девушка. Она тут же подскочила и осмотрелась: не услышал ли кто-нибудь её неосторожный возглас. Но рядом никого не было. Девушка снова легла и уставилась на звёздное небо. Теперь её лицо озаряла улыбка.

Счастье от того, что Авалор всегда будет с ней, переполнило её настолько, что она не заметила никаких «дурных предзнаменований», которые так чётко определил Лунарий.

Высокая трава и ночная темнота укрыли её от Авалора, который подошёл к пруду умыться после выступления перед северным племенем. Девушка тихо поднялась и бесшумно ступила следом, остановившись у него за спиной.

— Ты ведь не человек? — голос Аномы прозвучал

негромко, почти шёпотом.

Авалор не обернулся.

— Уже человек, — ответил он осторожно, словно каждое слово давалось ему с трудом.

— Я узнала запах твоей… энергии. Ты тот дух, который помогал мне с самого детства, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал уверенно, но в груди всё сжималось от сомнений: а вдруг ошиблась?

— Я из мира духов, верно, — он помолчал, и в тишине ночи этот короткий миг показался ей вечностью. — И да, я видел тебя раньше.

— Какой он, твой мир? — спросила Анома, и в голосе её прозвучала робость.

— Там свои законы и правила. Иные, не такие, как здесь. Знания более полные, более точные. — Авалор говорил медленно, будто не решаясь открывать то, что было сокрыто так долго. — Он отгорожен от вашего мира крепкой, прозрачной стеной. Сквозь неё мы видим вас… но не можем дотронуться. — В последних словах послышалась такая грусть, что у Аномы перехватило дыхание.

— Дотронуться… — повторила она задумчиво, и что-то дрогнуло у неё в груди. На миг ей захотелось шагнуть вперёд, обнять его, но она тут же отступила, мысленно осудив себя за поспешность.

— Уже поздно, — тихо сказала Анома, отводя взгляд. — Мне пора. Доброй луны и желанных грёз.

Она шагнула назад, мягко, бесшумно, и растаяла в ночной тьме..

Глава 12

Быть северянином.

Лунарий отправился в дорогу, оставив дом на попечение гостя. По утрам на обеденном столе юношу поджидала плетёная корзина с домашней едой, которую приносила Лана, жена Ивана, и к которой он успел пристраститься. Но сегодня Авалор проснулся от стука. Удивлённый тем, что Лана не вошла тихо, как обычно, он спустился и открыл дверь. На пороге с корзиной стояла Анома.

После недолгого и, как показалось Авалору, очень официального приветствия она, как и мать, поспешила на кухню, где оставила угощение на столе. Дочь старосты уже собралась уходить, как вдруг развернулась к Авалору и, стараясь придать голосу строгость, спросила:

— Зачем ты на самом деле пришёл?

— За тобой, — уверенно ответил он.

Настолько прямого ответа девушка не ожидала. Глаза Аномы наполнились слезами, чувства застряли комом в горле. Она не могла вымолвить ни слова, только смотрела на него, боясь, что если откроет рот, то разрыдается.

— Что скажешь, Анома? — спокойно спросил Авалор.

Девушка не выдержала. Она опустилась на стул, уронила лицо в ладони и разрыдалась — уже не скрывая, не сдерживаясь.

— Я не хочу на этот твой юг, — проговорила она сквозь всхлипы.

— Там невероятно красиво, — мягко сказал он. — Просто людей пока нет. Но это не всегда плохо. Когда много людей… это тоже не очень. Тяготит.

— Но ведь север тоже невероятно красивое место, — возразила Анома, всё ещё всхлипывая, вытирая щёки.

— Да. И пироги у вас просто бесподобные.

Эти слова заставили её успокоиться. Слёзы ещё не высохли, а губы уже дрогнули в улыбке, и она рассмеялась — сквозь всхлипы, сквозь обиду, сквозь всё, что накипело.

— Знаешь что? — она подняла на него заплаканные глаза, пытаясь изобразить обиду. — Я ещё посмотрю на тебя. Я с кем попало на юг не езжу.

— Хорошо, — улыбнулся Авалор.

— Будем видеться у пруда… по вечерам… тайно, — прошептала Анома, опуская взгляд.

— Тайно? Зачем? — удивился он.

— У нас так принято, — ответила девушка с внезапной игривостью, поднялась и, помахав на прощание растерянному Авалору, поспешно вышла.

* * *

После нескольких веков соседства с людьми, в том числе с северянами, Авалор понимал: у них так не принято. Скорее, это личные «традиции» его возлюбленной, которым ему всё же придётся следовать.

Об амурных обычаях островитян защитник острова знал буквально всё — за долгие века он часто становился невольным свидетелем интимных сцен людей. Но любовные устои северян заслуживали особого внимания: в них сплелись и суровая практичность, и удивительная нежность, и строгий, почти ритуальный порядок.

Всё начиналось с бирюзы. Этот камень, священный для северян, служил и языком любви. Подвеска из бирюзы, подаренная мужчиной женщине, означала предложение стать его возлюбленной. Кольцо же, более редкий и ценный дар, говорило о намерении более серьёзном — предложении руки и сердца.

После того как женщина принимала подарок, пара должна была пройти через древний ритуал очищения: они вместе омывали тела друг друга — в бане, у ручья или в специально приготовленной купальне. Вода смывала всё, что было до, и открывала путь тому, что должно было случиться. Затем, чистые и разгорячённые, они перемещались на ложе. На этой части острова любовные союзы не создавались без подношения из бирюзы и ритуала омовения — это считалось не просто традицией, но священным действием.

Северянин, слившийся на ложе с женщиной хотя бы раз, должен был обеспечивать и защищать её до тех пор, пока она сама не пожелает прекратить эту связь. Иногда это приводило к тому, что в одном доме уживались жена, муж и несколько его возлюбленных. К женам и возлюбленным в племени

относились одинаково: их статусы почти ничем не отличались, и все дети, рождённые в таком союзе, считались законными и пользовались равными правами.

Расставание также имело свои правила. Если женщина хотела покинуть возлюбленного, она показывала ему своё исподнее с циклической кровью — знак того, что она не носит его дитя и желает прекратить связь. Этого было достаточно. Мужчина не имел права удерживать её, и союз распадался. Покинуть мужа было сложнее. Здесь требовалось инициировать собрание в хибаре и объявить о разрыве перед всем племенем.

Но сейчас Авалор даже мечтать не смел о чём-то более близком, чем прикосновение. Он с нетерпением ждал каждой вечерней встречи у пруда. Он любовался тем, как она улыбается и как изящно двигаются её красивые руки. Он закрывал глаза от удовольствия, когда ветер доносил до него её запах, напоминавший утренний рассвет и липовый цвет.

* * *

Понемногу он вливался в каждодневную рутину племени, разделяя с ними их привычный быт. Как прилежный ученик, он осваивал местные традиции и правила. Только став человеком, Авалор начал понимать их поступки и эмоции, которые, как Духу, казались ему нелогичными и даже глупыми. Всему, что ранее казалось ему непонятным, нашлось объяснение. Почти всему…

Чувства и мысли Аномы оставались для него полнейшей

загадкой. После каждой тайной встречи у пруда он уходил ещё более запутанным, чем прежде. Он обращался за подсказкой к своим наставникам — мастеру по кузнечному делу и мастеру по обработке бирюзы. Но все они закатывали глаза и многозначительно произносили: «Женщины!» Что означало что-то вроде: «Даже не пытайся их понять».

«Но нет уж, я должен в этом разобраться», — думал Авалор. На помощь пришёл подоспевший с дороги Лунарий.

— Женщины! — многозначительно сказал Авалор и закатил глаза, повторяя за мастерами.

— «Слепая область», — пробурчал Лунарий, расставляя на кухонных полочках бутыльки с новыми отварами, пока Авалор сидел за столом и наслаждался стряпнёй Ланы.

— «Слепая область»?

— Дай-ка угадаю. Чувствуешь себя охмелевшим, как только её увидишь, идёшь к ней словно по облакам, и даже трава сразу становится зеленее. И вот тут ты перестаёшь понимать очевидное. Например, что она никогда не покидала поселение. Она боится перемен. Не понимает, зачем ехать куда-то непонятно зачем. Она боится, что на вас нападут и лишат жизни какие-нибудь негодяи с того же запада. Она любит тебя — и улыбается. Она беспокоится за вашу безопасность — и злится. Она понимает, что ты уедешь, и если она не последует за тобой, то может потерять тебя — и печалится. Вот и весь секрет смены настроений, — продолжал видящий.

— Она считает меня слабаком, не способным защитить свою женщину, — Авалор поник и перестал есть.

— Ты заставляешь её покинуть всё, что она любит, кроме тебя, и шагнуть в неизвестность, — раздражённо сказал Лунарий.

— Она же ведающая. Она должна понимать, видеть… что я дам ей больше. Что она полюбит весь остров. Я смогу защитить её от любой беды. Я всё сделаю для её счастья, — слова Авалора были искренни и наполнены страстью.

— «Слепая область», — громко и быстро произнёс видящий.

— Снова «слепая область», — недовольным тоном произнёс юноша.

— Да. У неё тоже «слепая область». Она тоже ходит охмелевшая, по облакам. И видит исключительно только то, что хочет увидеть, либо то, чего боится.

— Что же мне делать? — растерянно пробормотал юноша.

— Заказывай кольцо у мастера Дикина. Анома не из робкого десятка. Она шагнёт в неизвестность.

Глава 13

Предложение.

Утром Авалор отправился к мастеру Дикину, и уже к обеду о предстоящей свадьбе знали решительно все. Ибо талант распространять сплетни был развит в мастере столь же мощно, как и его искусство работы с камнем и металлом. Северяне принялись вовсю обсуждать грядущее торжество и с нетерпением ждали, когда о нём объявят в хибаре. Но стоило Аноме или Авалору возникнуть во время жарких дискуссий, как все резко замолкали. Подобные «молчанки» немного раздражали дочь старосты, однако она старалась не подавать виду. Место их тайных встреч также не являлось ни для кого секретом, поэтому обитатели поселения держались от него как можно дальше, чтобы не смущать пару.

Несмотря на все усилия, которые прикладывала Анома, чтобы оставаться спокойной, с каждым днём её растерянность только нарастала. Всё валилось у неё из рук, она врезалась в дверные косяки, спотыкалась на ровном месте и постоянно вздыхала. А многозначительные улыбки соплеменников заставляли её чувствовать себя так неловко, что порой хотелось сбежать не то что на юг, а вообще куда подальше с острова.

Когда девушка наконец взяла себя в руки и немного успо-

коилась, в ней взыграло любопытство. Под предлогом передать мазь от порезов она отправилась к мастеру Дикину.

— Кого я вижу! Приветствую тебя, ведающая, — громко обратился к ней мастер.

— Добрый день, мастер Дикин. Я вот вам мазь принесла от порезов, — весело произнесла она.

— Защитник острова заказал кольцо с бирюзой. Завтра вечером отдаю, — прошептал мастер.

— Как хорошо, что вы не стали мастером по хранению секретов, — со смехом произнесла девушка. Дикин не сдержался и тоже рассмеялся.

— Зато какой из меня вышел бы мастер по новостям! — ответил он, продолжая смеяться.

— Покажите его, — игриво и с улыбкой попросила Анома.

— Ни за что. Тогда ты не удивишься, как следует.

— Ваши работы настолько искусны, что восхищаться и удивляться им можно, даже увидев в сотый раз, — нежно произнесла девушка.

— Очень приятно, но лесть не пройдёт.

— Ну и ладно.

— Парень славный. Не мучай его долго, — мягко сказал Дикин.

Анома не стала настаивать. Конечно, она безумно хотела увидеть заветное кольцо, но, зная характер мастера, даже не тратила времени на уговоры.

«Интересно, он завтра вечером предложение сделает или ещё немного подождёт? Что же мне надеть?» — вопросы, возникшие в её голове, снова заставили девушку волноваться.

* * *

На следующий день, с небольшим опозданием, Анома пришла на встречу в их тайное место. Размашистые ивы, растущие на берегу, создавали приятную тень и укрывали пару от посторонних взглядов. Авалор сидел на мягкой траве у реки. По тому, как неестественно его ладонь была прижата к карману, девушка поняла: там кольцо. Она улыбнулась и опустила взгляд.

— Ты самое прекрасное создание, которое я только видел, — мечтательно произнёс Авалор, заметив любимую.

— А ты — самое прекрасное создание, которое только видела я, — Анома подняла глаза. Она села рядом и стала наблюдать, как вечернее солнце медленно скрывается за верхушками деревьев.

Авалор достал из кармана холщовый мешочек, а из него — кольцо. Он протянул его Аноме.

— Согласна ли ты соединить наши жизни, судьбы и предназначения? — сейчас Авалор едва дышал, и в голосе его звучало такое волнение, что у девушки перехватило дыхание.

— Да, — уверенно ответила она.

Безупречный камень, обрамлённый золотыми лилиями,

переливался в лучах заката всеми оттенками голубого и зелёного. Работа Дикина привела невесту в полнейший восторг.

— Я хочу тебя поцеловать, — с лёгкой улыбкой сказал юноша.

Анома одобрительно кивнула. Авалор нежно взял любимую за руку и слегка коснулся губами края её рукава возле запястья. От удивления девушка широко раскрыла глаза. Этот поступок затронул самые глубокие струны её сердца. В порыве эмоций она прижалась к любимому и сама слегка коснулась его губ своими. Касание было настолько лёгким, что едва ли могло считаться поцелуем, но этого оказалось достаточно.

Почувствовав тепло её тела через одежду и это невесомое касание, Авалор весь задрожал, голова его закружилась. Он оперся руками о траву, и его дрожь передалась земле.

— Что у них там происходит? — с возмущением спросил Иван. Волнение земли застало его во время ужина с женой. То, что источник этой тряски — Авалор, не вызывало у старосты никаких сомнений.

— Парень просто волнуется, — с улыбкой ответила Лана и налила мужу горячего травяного отвару.

— Ты думаешь, мы одни это заметили? Нашим сплетникам только повод дай, — тон Ивана оставался недовольным.

— Парень с кольцом. Они практически муж и жена. Всё по обычаям. И если верить видению Лунария… то наш

внук…

— Тсс... — Иван приложил палец к губам. — Не будем радоваться раньше времени. Есть вероятность, что наш внук станет... Но судьба хитра.

— Ты прав, не будем радоваться раньше времени. Судьба раскроет свой замысел в своё время, — осторожным тоном произнесла Лана.

Тем временем по поселению прошлась ещё одна волна земной дрожи. Глиняная посуда в доме старосты звонко задребезжала.

— Да в конце концов, он возьмёт себя в руки или нет? Сколько можно уже? Представляю, какие разговоры начнутся завтра утром, — продолжал ворчать Иван.

— Я тебе так скажу, — Лана лукаво улыбнулась. — Ничего серьёзного там не происходит. Просто жених нам попался очень уж эмоциональный. Поэтому лучше пусть каждый день трясёт понемногу, чем в первую брачную ночь грянет так, что от поселения одни камни останутся.

Дрожь земли понемногу утихла.

Авалор лежал на траве, Анома склонилась над ним и гладила его волосы, нежно касалась лица. Еле слышно она напевала ту самую песню, которую пела в их первую встречу.

— Я не привык к прикосновениям. Они меня… — юноша пытался подобрать слово, но оно никак не приходило в голову.

— Будоражат, — мило улыбаясь, подсказала Анома.

— Да, — тихо произнёс он.

Глава 14

На следующий день в хибаре состоялось собрание на котором Анома и Авалор объявили о своей свадьбе. Присутствующие отрегулировали

волной радостных возгласов, которые ещё долго не утихали. Дату свадьбы назначил Лунарий и она должна была состояться через 12 дней.

Сразу после собрания племя приступило к подготовке торжества. По вечерам северяне наблюдали из своих домов грозы, бури, легкие землетрясения и даже небольшой смерч, а утром они погружались в предпраздничные хлопоты пересматривались и хитро улыбались.

В этот раз жители поселения единогласно решили отказаться от сплетен. Молчать их заставило уважение к своему старосте, который и так был на взводе из-за престающей свадьбы единственной дочери. Кроме того они с пониманием отнеслись к Авалору и его особенностям.

Для влюблённых двенадцать дней ожидания пролетели в мгновение ока, и вот настал день их свадьбы. Невеста, одетая в нежно-голубое платье, сшитое из тончайшего полотна, украшенного нежными вышивками, которое струилось по её фигуре, словно утренний туман над просторами Севера.

- Как же гармонично это платье смотреться с ожерельем, - восхитилась Лана дочерью. Они стояли перед входом в хи-

бару, где их ожидали гости и жених.

- Почему мне так невыносимо грустно и тяжело дышать, - взволнованно произнесла Анома.

- Это перемены. Ты справишься с этим, - мать крепко взяла дочь за руку. Они постояли ещё некоторое время в полной тишине и когда

Анома кивнула головой в знак того что готова, Лана завела её в хибару и усадила на почётное место рядом с Авалором. Не смотря на поддержку матери, девушка никак не могла унять то нервное волнение, которое билось в её груди. Она то поправляла рукава, то касалась гладких, холодных бусин ожерелья, то нежно проводила рукой по лицу. Наконец Авалор протянул ей свою ладонь. Когда Анома коснулась его руки, напряжение, сковавшее её тело, словно растаяло. Она почувствовала уют и спокойствие, и улыбка, радостная и искренняя, осветила её лицо. Свадебный пир был пышным и шумным. За столами, украшенными букетами из полевых цветов, собрались гости – северяне, известные своей любовью к танцам они не покидали центральную сцену хибары ни на минуту. Звучала музыка, которая смешивалась с гомоном и смехом собравшихся. После всех поздравлений молодожены отправились в дом Аномы и празднество продолжилось без них.

Новобрачные вошли в просторную гостиную, заполненную мягким светом свечей и украшенную свадебными букетами. Дом заранее подготовленный к их первой брачной

ночи по древним традициям севера, излучал тепло и уют. Несколько дверей вели в кухню, спальню и купальню. Большой каменный очаг в углу комнаты горел ровным пламенем. Авалор нежно обняв Аному сзади и прошептал:

— Я могу омыть твоё тело?

Так он соблюдал свадебный ритуал — очищение и начало новой жизни, имеющий глубокий символический смысл. Анома, смущённая и взволнованная, кивнула. Муж помог ей раздеться, снимая одежду медленно, словно освобождая лепесток за лепестком, и укутал в полотенце, расшитое древними знаками плодородия и долголетия. Затем, сняв свою одежду, он повёл её в купальню, откуда уже тянуло паром, смешанным с ароматами мяты, лаванды и северных трав.

В центре купальни стоял большой медный таз с тёплой водой. Авалор взял ковш и начал поливать их обоих — вода струилась по плечам, стекала по спинам, смывая усталость и тревоги. Анома расслабилась, закрыла глаза, отдаваясь теплу. Но когда муж стал наносить на её тело ароматную пасту из мыльного корня, делая нежные, круговые движения, расслабление стало перерастать в лёгкое, щемящее возбуждение. Его ладони скользили по её шее, плечам, груди, задерживаясь на каждом изгибе, и каждый раз, когда пальцы касались особенно чувствительного места, девушка вздрагивала и тихо выдыхала.

Она тоже взяла немного пасты и начала ласкать его —

провела по груди, чувствуя, как под пальцами напрягаются мышцы, затем по животу, по бокам, наслаждаясь гладкостью его кожи. Её прикосновения становились всё смелее, спускаясь к талии, к бёдрам, ближе к источнику её собственного томления. Когда их тела, скользкие от пасты, соприкоснулись, Анома почувствовала, как внутри разливается жар.

Они смыли остатки прохладной водой, и Авалор снова укутал её в белое полотенце.

В спальне их встретил полумрак, лишь несколько свечей мерцали на резных подставках, и огонь в очаге отбрасывал на постель тёплые отсветы. Полотенце упало на пол, и Анома, чувствуя себя самой желанной женщиной на свете, легла на широкую кровать. Она смотрела на мужа с такой откровенной лаской, что у него перехватило дыхание. Медленно, не торопясь, он поднялся на ложе, взял подушку и подложил её под её бёдра, приподнимая. Затем нежно раздвинул её ноги и прильнул губами к животу.

Его поцелуи были подобны лепесткам, падающим на разогретую кожу. Он гладил её колени, внутреннюю сторону бёдер, живот, грудь, и каждое прикосновение заставляло Аному выгибаться, сдерживая стоны. Его язык описывал круги вокруг её пупка, спускался ниже, заставляя её пальцы впиваться в простыни.

Будучи бесплотным духом, Авалор тысячи раз наблюдал слияние мужчин и женщин, черпая знания из информационного поля, частью которого являлся. Но сейчас он впервые

был с женщиной сам. Его разум утонул в изгибах её тела, вся вековая мудрость умолкла в нём, когда его большие руки сжали её нежные ягодицы, а мощный жезл любви, наполненный вожделением, коснулся её влажного цветка.

Анома почувствовала его у входа и приподняла ноги, прижав голени к его бёдрам, раскрываясь навстречу. Авалор целовал её шею, медленно входя, сантиметр за сантиметром, наслаждаясь тем, как её тело принимает его, обволакивает жаром и влагой. Её руки скользили по его спине, плечам, груди, пальцы запутались в его волосах. Когда он достиг последней преграды, он слегка надавил, прижимая её своим телом, и замер на мгновение, целуя её губы. Их языки встретились в медленном, сладостном танце.

Анома вздрогнула, когда он переступил грань — из груди вырвался приглушённый стон, она выгнулась, впиваясь ногтями в его спину, но боль тут же утонула в волне нахлынувшего наслаждения. Авалор начал двигаться медленно, глубоко, каждый его толчок отдавался в ней дрожью. Он чувствовал, как её тело пульсирует вокруг него, как дыхание становится всё чаще, как тихие вздохи переходят в сладострастные стоны.

Её ноги обвили его бёдра, притягивая ближе, глубже. Авалор ускорил ритм, его движения стали увереннее, страстнее. Анома выгибалась ему навстречу, её пальцы впивались в его плечи, губы искали его губы. Они двигались в едином ритме, словно давно знали друг друга, словно их тела всю жизнь

ждали этого мгновения.

Он почувствовал, как напряжение нарастает внизу живота, и, накрыв её губы поцелуем, позволил себе отпустить контроль. Горячая волна прокатилась по телу, и он с тихим, протяжным стоном излился в неё, чувствуя, как она сжимается вокруг него в последнем, сладостном спазме. Ещё несколько мгновений они лежали недвижимо, слитые воедино, тяжело дыша и глядя друг другу в глаза с улыбкой, полной изумления и нежности.

Авалор откинулся на подушку, притянув жену к себе. Анома положила руку на низ живота, всё ещё ощущая внутри его тепло. Он приподнялся, сходил в купальню и вернулся с влажным тёплым полотенцем, которое осторожно положил ей на живот, помогая телу успокоиться.

Когда они обмылись и снова улеглись в постель, Авалор притянул Аному к себе, укрыв их обоих толстым одеялом. Он уткнулся лицом в её спину, обнял, положив ладонь на её живот, и вдруг отчётливо ощутил — там, глубоко внутри, зарождается новая жизнь. Его рука дрогнула, сердце наполнилось таким счастьем, что слова стали не нужны.

— Я стану отцом, — прошептал он одними губами, упоённый этой мыслью, и, прижимая к себе любимую, провалился в сон, полный светлых, счастливых видений.

Глава 15

Цикл спустя молодые собрались в дорогу. Северяне с волнением провожали пару. Крепко обняв на прощание друзей, своего учителя Лунария и родителей, Анома поспешила к снаряжённой кибитке. Супруги отправились в путь.

Дорожная тряска изматывала непривыкшую к долгим путешествиям девушку. Её радовали привалы днём, когда она могла прогуляться по лесу или полянке, на которой они останавливались. Особую радость ей приносили супружеские завтраки, обеды и ужины. По утрам пара устраивала себе перекус тем, что она взяла с собой из дома: запасами вяленого мяса, специй и лепёшек из ржаной муки.

Авалор не охотился так, как это делали мужчины севера: добыча приходила к нему сама. Стоило ему щёлкнуть пальцами, и заяц или кабанчик падали замертво у его ног. По ночам супруг разводил огонь, сам разделывал мясо и готовил ужин. Молодая жена лишь наблюдала, сидя на пеньке, завернувшись в тёплый меховой плед. Она всё ещё печалилась из-за того, что покинула своё племя. Эта тоска, словно невидимый спутник, сопровождала её на протяжении всего пути по землям севера.

Когда они покинули северные земли, Аноме стало особенно грустно. Отныне всё, что её окружало, было новым и незнакомым. Перед сном, стоя возле кибитки, Авалор обнял

жену, чтобы успокоить. Она уткнулась лицом в его широкую грудь и глубоко вдохнула. Все чувства перемешались: грусть по покинутому дому и запах её мужчины, скрытые опасности незнакомых мест и его крепкая грудь, таинственность ночи и его глаза. Она снова растаяла под натиском его ласк. Нежные поцелуи любимого, которыми он стал покрывать её шею и губы, окончательно успокоили супругу и разогнали всякий сон. Прервавшись на секунду от страстных поцелуев, девушка легко запрыгнула в кибитку и увлекла за собой мужа.

* * *

Через неделю пути молодожёны сделали привал возле идола. Деревянная фигура была густо увешана бусами и украшениями. Возле грозного истукана стояли подношения: кристаллы, кубки, вино, посуда, тканые вещи, оружие. Большую часть даров составляли работы искусных западных мастеров.

Авалор внимательно осмотрел идола и подношения, обошёл его несколько раз, становясь всё мрачнее. Сейчас перед ним стоял не кусок дерева, а могучий артефакт. В тот момент, когда он вселился в деревянную фигуру, он наполнил, зарядил и активировал её своей энергией. Почувствовав такой мощный источник силы, видящие востока и запада через подношения подключились к этому источнику. Идол уже нарушал, хоть и незначительно, поток энергии острова, и в будущем это могло привести к катастрофе. Авалор не мог уничтожить его — сейчас это навредило бы ему самому.

— Что-то случилось? — тихо спросила Анома, не понимая, в чём причина плохого настроения мужа.

— Слишком много подношений. Они нарушают баланс, — серьёзно ответил супруг.

— Разве много подношений — это не хорошо? — недоумевала девушка.

— Не в этом случае. Ведающий запада выдаёт свою волю за волю духа острова. Он обманывает своих людей и пытается откупиться от Духа побрякушками, — строгим тоном ответил Авалор.

— Но как они не боятся гнева Духа? Ведь он может покарать их за ложь, — тихо спросила Анома.

— Сейчас ему придётся их покарать, — грустно сказал Авалор. — Мы заедем в Ману, центр восточного племени. Тебе там понравится. Насмешники любят петь, танцевать и шутить. — Тон его стал ласковым.

Глава 16

ВОСТОК.

Через четыре дня пути Авалор и Анома прибыли в Ману — город, который представлял собой поистине поразительное зрелище.

Дома, разбросанные по склонам холмов и равнинам, словно были выхвачены из самых ярких, причудливых снов. Город не подчинялся единому плану — он рос и дышал свободно, и эта свобода чувствовалась в каждом изгибе улиц, в каждой неожиданной террасе, взбирающейся на холм. Архитектура поражала своим буйным разнообразием: скромные одноэтажные хижины из тёмного, грубо обработанного дерева соседствовали с изящными многоэтажными зданиями из белого и розового камня, украшенными затейливыми резными балконами, с которых свешивались гирлянды живых цветов. Крыши, крытые разноцветной черепицей — терракотовой, изумрудной, лазурной — переливались под лучами солнца, словно драгоценные чешуи, и создавали причудливую мозаику, видимую ещё издалека.

Окна, оформленные витражами всех мыслимых оттенков, превращали дома в сказочные замки: в одном из них солнечный свет преломлялся кроваво-красным, в другом — прохладным сапфировым, в третьем — золотисто-медовым. Да-

же заборы и ограды здесь были вычурно декорированы — резьбой, коваными вставками, вплетёнными в дерево цветными стёклами — всё свидетельствовало о невероятном художественном вкусе жителей Маны, для которых красота была не роскошью, а необходимостью, такой же естественной, как дыхание.

Узкие улочки, вымощенные разноцветной галькой, то поднимались крутыми лестницами вверх, то ныряли в прохладные аркады, где даже в самый жаркий день царил мягкий полумрак. Кое-где между домами росли старые раскидистые деревья, чьи кроны переплетались над головами прохожих, создавая зелёные тоннели, а кое-где стены домов были увиты плющом и диким виноградом, так что казалось, сама природа спорила с человеком за право украшать этот город.

Анома, впервые увидевшая столь яркий и жизнерадостный город, застыла на месте, не в силах сделать и шага. Её глаза, широко распахнутые от изумления, скользили от одного красочного здания к другому, стараясь уловить каждую деталь, каждый витраж, вспыхивающий на солнце. Она не знала, куда смотреть сначала: то ли на разноцветные крыши, что тянулись вверх по склонам холмов, то ли на улицы, где кипела жизнь.

Люди в одеждах из самых невероятных тканей — расшитых золотом, переливающихся шёлком, украшенных длинными лентами и колокольчиками — суетились повсюду. Они выходили из дверей, перекликались через улицы, торгова-

лись у лотков с фруктами и пряностями, громко смеялись, спорили и тут же мирились. Город гудел множеством голосов, смехом и песнями. Где-то вдалеке звенели струны, кто-то отбивал дробь на маленьком барабане, а из открытых окон доносились обрывки мелодий, сплетаясь в причудливую, ни на что не похожую симфонию. Казалось, сам воздух вибрировал от непрерывного потока шума и движения.

Повсюду пахло свежей выпечкой, жареным мясом, пряными травами и цветами — их гирлянды свисали с балконов, обвивали колонны, лежали на прилавках яркими, благоухающими грудами.

«Птичий город», — подумала Анома, оглядываясь по сторонам. Торговля, общение, споры, сделки — всё это смешалось в единый, непрерывный поток, который подхватил её с первых же шагов, закружил и понёс, не давая опомниться. Ей казалось, что даже камни мостовой здесь дышат иначе — чаще, быстрее, словно само сердце этого города билось где-то глубоко под землёй, и этот пульс передавался каждому, кто ступал на его улицы.

Насмешники были настолько увлечены своей приятной рутиной, что не сразу заметили присутствие чужаков. Но как только это произошло, в мгновение ока вокруг пары собралась небольшая любопытствующая толпа. Завязался весёлый и шумный диалог, сопровождаемый жестами, смехом и, конечно же, шутками. Авалор и Анома, очарованные гостеприимством жителей, почувствовали себя желанными гостями

в этом необычном городе.

Скоро их повели к лидеру востока. Процессия, возглавляемая рядом особенно ярко одетых насмешников, медленно двигалась по извилистым улочкам, по пути привлекая всё больше и больше внимания. Дети улыбались, взрослые кивали, приветствуя северян. Воздух наполнялся ароматами экзотических специй и фруктов, исходящими из открытых окон.

Наконец процессия остановилась перед трёхэтажным домом, выкрашенным в ярко-голубой цвет. Он возвышался над соседними строениями, выдавая своё особое положение. Второй этаж украшали просторные балконы с ажурными коваными перилами, окутанные пышной зеленью, а над входом красовалась искусная резьба — птица с расправленными крыльями.

* * *

На пороге их встретил Жар, лидер востока, в сопровождении своего брата Мина, верховного видящего и хранителя традиций насмешников. Одежда братьев была поистине впечатляющей: многослойные, богато расшитые наряды, казалось, вобрали в себя все цвета радуги. Ткани, сверкающие на солнце, свидетельствовали о богатстве и процветании своих обладателей.

Жар был высоким, атлетически сложенным мужчиной с голубыми глазами и светло-рыжими волосами, которые отливали золотом. Одежду его составляла длинная льняная ру-

баха цвета охры, искусно расшитая по вороту, подолу и рукавам золотыми нитями и мелкими рубинами, которые вспыхивали при каждом движении. Поверх рубахи был накинут тяжёлый парчовый кафтан насыщенного красного цвета с золотым узором, расшитый крупными кристаллами и самоцветами: рубинами, гранатами и огненными опалами. Кафтан был перехвачен широким поясом из тиснёной кожи с массивной золотой пряжкой, украшенной россыпью мелких камней. На шее лидера висело массивное ожерелье из золота с крупным янтарём в центре, а на пальцах поблёскивали перстни с камнями красных и жёлтых оттенков.

Мин, напротив, был невысоким, коренастым, с глубокими зелёными глазами и ярко-рыжими волосами, отливающими медью. Его одежда была выдержана в зелёных тонах: длинная шёлковая рубаха изумрудного цвета, мягко струящаяся при каждом движении, была подпоясана золотым кушаком с тонкой чеканкой. Поверх рубахи был накинут короткий плащ из тёмно-зелёного бархата, расшитый золотыми нитями. Его пальцы были унизаны золотыми кольцами с крупными изумрудами, а в ушах поблёскивали небольшие золотые серьги с зелёными камнями. Лицо Мина, с мягкими чертами и едва заметной полнотой, выдавало привычку к долгим трапезам и неспешным беседам, а в манерах сквозила неторопливость человека, привыкшего к отдыху и созерцанию.

Авалор сразу распознал в Мине того самого человека, который делал подношения идолу и питался от его энергии.

Защитник острова нахмурился, взгляд его стал тяжёлым.

После вежливого приветствия Мин степенно и осторожно начал:

— Почти семь циклов назад идол духа острова стал излучать колоссальную энергию, и я решил принять этот щедрый дар от нашего покровителя. Мы зарядили кристаллы.

— И используем их для постройки домов и рыболовецких лодок, — подхватил Жар.

— Звёзды намекали мне, что вы собираетесь на пустующий юг. Наши мастера могли бы построить для вас дом. Это будет нашей маленькой благодарностью за доброту Духа острова, — мягко заключил Мин.

Авалор громко рассмеялся. Верховный видящий востока понял, кто перед ним стоит на самом деле и почему он хмурится. Авалор понял, что Мин знает, кто он. Защитник острова увидел в Мине не только видящего, но и сильного мага, умело использующего свои способности.

— Дух острова желает, чтобы вы забрали подношения, — успокоившись от смеха, сказал Авалор.

— Неприметно… как только это сделает орда, — парировал Жар.

— Хорошо, — спокойно ответил Авалор.

Будучи духом, он всегда любил наблюдать за восточным племенем. Умные, прозорливые, быстрые, свободолюбивые — они и их быт увлекали его. Близость к бескрайнему океану научила насмешников рассчитывать безопасные мор-

ские пути, разрабатывать чертежи лодок, шхун и домов. Они изобретали новые инструменты и орудия. Видящие востока не чурались «подсмотреть» новые идеи у соседей с севера или запада, а иногда настолько увлекались своими «наблюдениями», что происшествия на чужих землях становились предметом сплетен и пересудов на всей территории востока, которая включала в себя три города и несколько поселений.

«Кажется, эти хитрецы снова меня обаяли», — подумал Авалор.

«Никакой хитрости. Мы настроены на взаимовыгодные отношения с глубочайшим почтением к вам», — телепатически ответил Жар. Авалор снова рассмеялся.

— Моя жена останется в Мане, пока я не вернусь с запада, — обратился Авалор к Жару. Тот одобрительно кивнул.

— Но почему я не могу поехать с тобой? — тихо сказала Анома.

— Госпожа Анома, запад не место для женщин… даже для тех, кто там родился, как по мне, — смеясь, сказал Мин.

— Почему? — уже громко спросила Анома.

«Ну хотя бы потому, что мужчина запада может публично овладеть любой женщиной, которая ниже его по статусу, и чаще всего на глазах у её мужа. А для женщин подобные эпизоды являются предметом гордости и почвой для соперничества», — подумал Жар.

«Уважаемый лидер востока, я думаю, наша гостья не готова к таким откровениям», — мысленно ответил ему Мин.

«Традиции запада — это их личное дело», — вмешался Авалор, чем и прекратил телепатический диалог братьев.

— Их обычаи могут показаться вам излишне жестокими. Кроме того, дорога вас измотает, — спокойно ответил Жар после некоторой паузы.

То, что Авалор назвал «традициями запада», было совершенно недопустимо на востоке. Приватность в любви была единственной вещью, к которой насмешники относились серьёзно. Они шутили друг над другом, иногда доходя до крайностей, и прибегали к крайностям в любовных отношениях. Жители восточного племени либо создавали пару на всю жизнь и оставались верны друг другу до последнего вздоха, либо меняли возлюбленных каждый сезон, а то и цикл. Свою половинку насмешники находили чаще всего в видениях или во сне. В этом состоянии они могли пообщаться и даже договориться о месте, где смогут уединиться. Романы и любовные связи было принято тщательно скрывать, хотя в племени, полном видящих и ведающих, это было довольно сложно. На востоке не освещали свою личную жизнь перед соплеменниками открыто и не обсуждали подробности. «Поглядывать» за чужой любовной историей считалось тем более неприличным.

— На западе энергия ещё не до конца сформировалась. Тебе действительно лучше подождать меня в Мане. Не пройдёт и цикла, как я вернусь, и мы начнём собираться на юг, — ласково обратился к жене Авалор.

— Позвольте сопроводить вас в дом, в котором госпоже будет удобно. Ведь она в ожидании, — сказал Мин.

Он не просто видел, что Анома беременна. Он видел, что она родит мальчика, который станет первым королём острова. Он видел его замок в центре всех земель, возведённый всеми племенами. Он видел идола, которого закопают в фундамент этого самого замка.

Анома посмотрела на мужа и поняла, что эта новость его не удивила. Она почувствовала себя уязвлённой — все в комнате узнали о её положении раньше, чем она сама. Девушка постаралась не подавать виду и спокойно направилась за услужливым Мином.

Глава 17

ЗАПАД.

Авалор оставил жену в Мане под присмотром Мина, а сам отправился на запад. Военный отряд, патрулировавший границы орды, заприметил защитника острова возле идола. Они позволили ему идти ещё три дня по густому смешанному лесу, прежде чем взяли в окружение. Авалор представился и потребовал отвести его к вождю запада. После недолгих размышлений воины согласились выполнить его требование. Через пять дней пути они достигли Каламарии — главного города западных земель. Если не считать нескольких одиночных шатров, разбросанных по землям орды, на западе было два города: сама Каламария и граничащая с югом Омна.

Авалора завели в большой, богато украшенный узорами шатёр. Первым, кто попался ему на глаза, был видящий — он стоял позади громоздкого кресла своего повелителя и, хитро щурясь, рассматривал гостя. В отличие от вождя, одетого в кожаные штаны и жилетку поверх серой тканой рубахи, и воинов в кожаных плащах, видящий носил длинную тёмно-синюю сутану из тонкой ткани и чёрную накидку из медвежьего меха.

Вождь, полный сознания собственной важности, вальяжно распластался в своём кресле. Несколько служанок в ко-

жаных корсетах и коротких кожаных юбках суетливо подносили ему кушанья и наполняли кубок.

— Чужак пришёл сказать тебе то, что нам и так известно, — начал видящий, обращаясь скорее к вождю, чем к гостю, на которого он смотрел с пренебрежением. — Дух острова желает собрать все племена через шесть лет и четыре цикла.

— Пока всё верно. Это собрание состоится, — твёрдо ответил Авалор.

— Дух острова сказал мне, что на собрании племён будет избран правитель острова. Он объединит все племена… и родом он будет с запада, — уверенно продолжал видящий. Вождь наполнился ещё большей важностью и расплылся в довольной улыбке.

Авалор вытянул руку перед собой и сжал её в кулак. Из глаз, ноздрей и рта видящего хлынула кровь. Он рухнул замертво у кресла вождя. Воины схватились за мечи и попятились назад. Служанки скрылись в глубине шатра.

— Через шесть лет и четыре цикла вы явитесь на собрание племён, на котором будет избран правитель острова. И он не будет с запада, — голос Авалора звучал твёрдо и холодно. — Обзаведитесь более достойным видящим. Этот настолько увлёкся созерцанием желаемого, что не разглядел очевидного, даже когда смотрел на него в упор. Вы не станете хоронить тело этого отступника. И заберёте все подношения с идола, иначе дух острова жестоко покарает вас.

Каждое слово Авалора прокатывалось по шатру, словно

раскат грома. Шокированный вождь лишь кивал, соглашаясь с каждым словом чужака.

Запад уважал исключительно язык силы, поэтому к Авалору и его требованиям отнеслись со всей серьёзностью. Защитника острова накормили и уложили спать в шатре видящего, а утром воины отправились с ним в путь. Добравшись до идола, ордынцы стали грузить в телеги многочисленные подношения.

Авалор хотел продолжить путь на восток, но одна мысль остановила его. Его сын получит при рождении великую силу и великое предназначение. Он станет первым королём, но женщина, которая будет ему равна, которой суждено стать королевой, родится только через сто лет после него. Заботливый отец не мог обречь сына на столь долгое ожидание. Он решил «создать» будущую королеву с помощью одного из артефактов.

Авалору приглянулись массивные бусы из чароита. Он взял их, немного доработал и тут же вернул обратно в одну из телег. «Та, на ком они окажутся в час пробуждения созвездия Лебедя, примет в себя великую силу, которая превратит её в королеву», — подумал Авалор, укладывая украшение среди прочих даров. Напоследок он сказал ордынцам, что эти бусы — прекрасный талисман плодородия, и женщина, которая будет их носить, принесёт большое потомство.

Глава 18

Дорога на юг.

Несколько циклов после возвращения Авалор провёл с Аномой в Мане. Жар снабдил пару всем необходимым. За Аномой присматривали две женщины, которым предстояло принимать у неё роды. Как только насмешники достроили дом на юге, супруги вместе с повитухами отправились туда.

На пятый день пути они наконец достигли заветного жилища. Дом был выполнен в северном стиле, с массивными брёвнами и покатой крышей, но имел два этажа.

Анома, полная энергии и радости, с восторгом исследовала каждый уголок нового дома. Первый этаж встретил её просторной гостиной, где в центре стоял массивный деревянный стол, а вдоль стен тянулись широкие лавки, покрытые мягкими звериными шкурами. Огромный каменный очаг, сложенный из речного камня, занимал почти целую стену — в нём уютно потрескивали дрова, наполняя комнату теплом и смолистым ароматом сосны. Из окон гостиной открывался вид на зелёный склон холма, а за ним — на бескрайнюю гладь океана.

Рядом располагалась небольшая спальня для гостей с низкой широкой кроватью, застеленной льняными простынями. Кухня была полна ароматов сушёных трав и свежего хлеба.

На полках красовались глиняные горшки, медные ковши поблёскивали у очага, а в печи, сложенной из белого камня, уже можно было печь хлеб и томить мясо. Столовая, выходившая окнами в небольшой сад, была залита солнечным светом.

Купальня с большими деревянными бочками для омовения была выложена гладкими речными камнями и пахла можжевельником. Завершала первый этаж небольшая кладовая, где на кованых крючьях висели запасы вяленого мяса, а на полках теснились банки с соленьями и травами.

Второй этаж был устроен более приватно: здесь находились четыре спальни с деревянными кроватями и толстыми одеялами из овечьей шерсти, а также просторная комната для хранения личных вещей с резными сундуками и коваными сундучками, где можно было спрятать самые ценные украшения и ткани. Стены второго этажа были отделаны светлым деревом.

После ужина, когда вечер окутал дом мягким светом, Анома, уставшая от волнений дня, отправилась в купальню, а затем в свою спальню, оставив Авалора наедине с его мыслями. Ему не спалось. Он вышел на улицу и уселся на траву, погрузившись в раздумья о том, что ждёт его впереди.

Ночное небо было усыпано звёздами. Авалор всматривался в эту безмятежную даль и чувствовал, как человеческое тело сковывает его, как оно ограничивает его взор. Как ни старался воплотившийся дух, он не мог увидеть всё то, что с

такой лёгкостью открывалось ему прежде. «Зато я могу прикасаться к ней», — мысленно успокоил он себя и принялся читать по звёздам своё новое, человеческое будущее, которое сулило ему бессмертие.

Немного погодя он посмотрел на путь своей любимой жены, который теперь увеличился, но всего на пару лет. Авалор нахмурился. Анома была рядом, но он знал: время — их неумолимый враг. В его сердце зародилась горечь: он не мог дать ей того, чего она заслуживала, — вечной жизни.

Мысли о собственном бессмертии терзали его. Он не хотел даже думать о том, что будет с ним, когда она покинет этот мир. «Как добыть эликсир истинного бессмертия? Тот, что есть у русалок, — лишь иллюзия: он убивает душу, оставляя только оболочку. Нет, я не хочу, чтобы Анома стала тенью самой себя… Я буду жить и любить её столько, сколько ей отведено. Я вынесу смерть бабочки…» — подумал Авалор.

Воли его ещё хватало, чтобы навек закрыть от любопытных глаз и даже от самого себя судьбу Аномы на звёздном атласе. Он закрыл глаза и подумал: «Никто больше не прочитает судьбу Аномы по небу и не узнает время её последнего часа. Когда её не станет… я просто вернусь в мир духов».

Он засунул руку в карман, чтобы найти бирюзовую бусину, которую подарил ему Лунарий в день свадьбы, и с удивлением обнаружил там клочок бумаги.

— Как же я мог забыть о тебе! — с радостью обратился

он к бумажке. — Ещё один подарок от Лунария. Подробная формула эликсира бессмертия, в котором не хватает лишь семи капель сока секретного растения, которое я не назвал Лунарию, потому что оно очень простое и растёт повсюду… Но у меня же есть время, и мне нужно найти всего один элемент!

Глубоко выдохнув, он снова устремил взгляд к звёздам и увидел на этот раз, как зажигаются первые звёздочки, которые будут сопровождать его будущего сына на протяжении всех ста шестидесяти лет его жизни. Небо дало ему имя — Одан.

Авалор положил ладони на землю, закрыл глаза и прислушался. Земля дала имя роду будущего короля — Геллион.

— Одан Геллион. Мне нравится, — прошептал Авалор, улыбнувшись.

Он лёг на мягкую траву и принялся мечтать о будущем своей семьи и всего острова. «Мне нужно найти всего один элемент. Один», — думал он, когда в его мечтах возникла жена на фоне уже взрослых детей. Светлая грусть окутала его словно тёплый плед. Он сделал ещё несколько глубоких вдохов, встал и направился к дому. На горизонте показались первые проблески рассвета.

Глава 19

Собрание племен.

Спустя шесть лет на пустынной равнине у подножия гор собрались три племени. Ветер гнал над землёй сухую пыль, смешанную с запахом нагретой кожи и старого дерева. В центре, на небольшом возвышении, стояли резные кресла для предводителей, а вокруг плотными рядами замерли воины.

Авалор появился, когда солнце уже клонилось к закату. Он шёл пешком, рядом — Анома с малышкой на руках, а по другую сторону, держась за отцовскую руку, шагал шестилетний Одан. Сзади, не отставая ни на шаг, двигались двое мужчин — точные копии самого защитника острова. Ордынцы зашептались. Кто-то вытягивал шею, кто-то хмурился, не понимая, что за чудеса явились к ним.

— Это что, два духа? — громко спросил кто-то из западных воинов.

— Дубликаты, — спокойно ответил Авалор, останавливаясь перед креслами. — Будут помогать.

Последние годы он потратил не зря. В домике на юге они с женой продолжили создавать эликсиры, снадобья и артефакты. Одним из главных достижений стал ценный прибор, позволяющий создавать двойников. Правда, супруги остались

им не вполне довольны: копии исчезали бесследно, прожив не дольше пяти лет.

Присутствие дубликатов произвело на собрании сильное впечатление, хотя ни насмешник, ни вождь запада, разумеется, не желали этого показывать. Оба лишь слегка пожали плечами, демонстрируя напускное равнодушие.

Старый вождь с густой сединой в бороде и тяжёлым взглядом скривил губы. Его всё устраивало: свои земли, свои законы, своя воля. Он не понимал, зачем собираться и что-то менять.

Жар — высокий, рыжеволосый, в расшитых золотом одеждах — прищурился, надменно и даже чуть брезгливо разглядывая западного соседа.

Ивану, как представителю севера, пришлось нелегко. Ведь мать будущего короля была северянкой, да и сам отец внешне очень напоминал жителя этих земель. Мальчик сидел у матери, державшей на руках его сестрёнку, и спокойно наблюдал за горячими спорами, бушевавшими вокруг его имени.

Авалор усадил жену с детьми на скамью позади, а сам занял место среди предводителей.

— Я собрал вас, чтобы говорить о будущем, — начал он. — Острову нужен один правитель. Я предлагаю своего сына.

Старый вождь запада тут же вскинул голову.

— Северянина? — голос его прозвучал хрипло, но весомо. — У нас всё хорошо, Авалор. Орда живёт по своим законам. Зачем нам король?

— Затем, что времена меняются, — лидер востока подался вперёд, явно насмехаясь над ордынцем. — Ты, видно, не замечаешь, старик, как мир вокруг тебя движется. Пока ты сидишь на своей земле и любуешься своей мощью, другие строят города, торгуют, богатеют. А твоя орда всё ещё меряет силу кулаками.

— Нам хватает, — буркнул вождь.

— Хватает? — Жар рассмеялся. — Ты даже соль на своей земле добыть не можешь, а рассуждаешь о благополучии. Ваши мастера до сих пор выменивают её у восточных купцов, потому что своих копей так и не нашли, а они есть, — добавил он с едкой издёвкой. — А железо? Ты таскаешь руду из двух мест, хотя у тебя под ногами целые жилы лежат. Твои умельцы понятия не имеют, что скрывается в недрах твоей же земли. А ты сидишь и тешишь себя мыслью, что и так сойдёт.

Старый вождь побагровел, но промолчал. Рядом засмеялись восточные воины. Одан, не отрываясь, смотрел на всё это.

Несколько суток спустя споры всё ещё продолжались. Западные бойцы ночевали прямо на земле, укрывшись плащами; северяне разместились в кибитках; насмешники подвесили свои гамаки меж редких деревьев. Все они ожидали

окончательного решения.

— Я предлагаю мир, — продолжил Авалор, поднимая руку. — Один король, общие законы, но каждый сохранит свои земли и обычаи. Север, запад, восток — у каждого будет свой голос. Правитель не будет указывать вам, как жить. Он будет следить, чтобы никто не нарушал границы.

— И твой мальчишка за это поручится? — вождь кивнул на Одана.

— Я поручусь, — твёрдо сказал Авалор.

— Я подумаю, — буркнул старик.

— Думай быстрее, — бросил восточный правитель с лёгкой иронией. — С твоими умственными способностями это может занять больше времени, чем люди живут.

Глава запада переглянулся со своими воинами. Те молчали, но по их лицам видно было — предложение заманчивое. Он вздохнул.

— Пусть будет так, — произнёс он. — Но прежде я хочу получить карту всех залежей железа и соли на моих землях. И пусть твои мастера, — он ткнул пальцем в сторону Жара, — покажут, где копать. Если мы станем единым королевством, то и знать должны, чем владеем.

— Получишь, — с ироничной улыбкой ответил его собеседник. — Это честная плата.

— И ещё, — добавил вождь, — если мальчишка окажется негодным — мы сами выберем себе правителя.

— Не окажется, — отрезал Авалор.

Одан подошёл к отцу. Он смотрел на суровых мужчин, на их оружие, на шрамы, и не отводил взгляда. Воины переглянулись: в этом мальчике чувствовалась порода.

— Северная кровь видна, — признал старый вождь.

— Не только северная, — заметил восточный правитель, чуть приподняв бровь.

Соглашение было подписано. Одан Геллион стал первым королём острова.

Лодию, трёхлетнюю девочку с серьёзными глазами, объявили хозяйкой юга. Она сидела на руках у матери и тихо напевала что-то себе под нос, не обращая внимания на то, что её судьба только что решилась.

Потом были дары. Защитник острова выложил перед предводителями огромные золотые самородки, каждый размером с голову взрослого мужчины. Ордынцы ахнули. Насмешники переглянулись. И только северяне не выдали никаких эмоций.

— А мне тоже дадут золото? — спросил Одан у отца, когда церемония закончилась.

— Тебе дадут больше, — улыбнулся Авалор. — Тебе дадут всё.

Идола окропили кровью маленького Одана, чтобы могущественный артефакт отныне был предан только его роду, после чего закопали в основание будущего замка, а сверху начали класть первый камень. Подношения же, которые когда-то приносили идолу, разошлись по острову, став артефактами, каждый со своей, особой силой.

II часть. Путь Одна.
Глава 1. Хозяйка юга.

За пятнадцать лет на пустовавших прежде южных землях выросли и расцвели три города: Меридия, Колада и Пина. Именно между ними в основном и протекала жизнь семьи Геллионов.

Пина, расположенная неподалёку от Омны, была основана Аномой, которая больше не могла оставаться равнодушной к бедственному положению жителей западной окраины. Будни Пины, как и само её строительство, выдались нелёгкими: городу ежедневно приходилось защищаться от нападений ордынских банд, состоявших из мужчин, изгнанных из Каламарии. Они то и дело нападали на Омну, а затем и на Пину. Тем не менее город отстроился и превратился в своего рода лазарет, где женщины запада могли безопасно рожать, получать помощь лекарей и знахарей. Цикл за циклом, небезопасная Омна пустела; юные ордынцы больше не стремились в Каламарию — они предпочитали отправиться в Меридию. Пина стала символом восстановления и исцеления, местом, где каждый мог найти помощь и защиту.

Колада возникла в тот момент, когда жители юга и востока осознали, как много могут предложить друг другу. Шумный город-рынок, наполненный торговыми палатками, во многом походил на шатры орды, только сделанные не из шкур животных, а из плотной яркой ткани. Город стал местом встречи культур, идей и товаров, создавая уникальную атмосферу, полную жизни и энергии. Колада быстро завоевала репутацию торгового центра, где каждый мог найти что-то на свой вкус — от редкостей до экзотических деликатесов.

Меридия стала плодом пятнадцати лет тяжёлой работы восточных зодчих и мастеров. В центре города возвышалась четырёхметровая башня с винтовой лестницей, ведущей на маленькую площадку. Там, на высокой металлической подставке, в хрустальной вазе покоились те самые кристаллы, которые Мин зарядил энергией идола. Башня находилась в просторном внутреннем дворе белого мраморного двухэтажного дворца хозяйки юга. С трёх сторон дворец был обрамлён садами и фонтанами, а центральная его часть выходила на площадь. За садами следовали здания гильдий. Пока их было всего три: гильдия ведающих, гильдия видящих и гильдия торговли. Со временем их станет больше — намного больше.

* * *

Хотя Авалору удалось скрыть от всех судьбу Аномы, отметка тёмных времён, появившаяся на небе, осталась. Баш-

ня стала символом надежды для жителей Меридии, и не случайно её воздвигли в самом сердце города. По ночам хозяйка юга часто поднималась наверх и, расположившись на меховой подстилке, подолгу всматривалась в звёздное небо, пытаясь разгадать причину грядущего кризиса. Но, несмотря на все старания, ответ ускользал от неё.

В семнадцать лет Лодия вошла во дворец и стала полноправной владычицей юга. Она была высока, стройна, с длинными светлыми волосами, ярко-голубыми глазами, в которых редко мелькала улыбка. Привлекательная, даже красивая, она казалась окружающим вечно недовольной или суровой — её серьёзное, сосредоточенное лицо невольно настораживало. Но это была лишь оболочка: внутри девушка оставалась всё той же заботливой и чуткой.

Её редкий дар — голос, способный подчинять себе волю людей, — требовал постоянного контроля. Стоило ей заговорить особым, чуть певучим тоном, и даже самые строптивые подданные, вопреки собственным желаниям, повиновались. Поэтому всё ближайшее окружение скрывало лица, оставляя открытыми лишь глаза, — так было проще устоять перед невольным влиянием.

Однажды, во время прогулки по саду, Лодия заметила на ветке первую вишню. Обрадованная, она воскликнула: «По-

смотри, какая чудесная ягодка!» — и, сама не желая того, вложила в голос ту самую властную ноту. Служанка, сопровождавшая её, замерла, а затем весь день простояла под деревом, не сводя глаз с вишни, пока растерянная хозяйка не приказала ей вернуться к обычным делам. С тех пор владычица юга научилась тщательно следить за каждым словом, но память об этом случае осталась с ней навсегда.

В столь юном возрасте она уже понимала, какую ответственность несёт за свои способности и за всех, кто пришёл и поселился на этих землях. И она сделает всё, чтобы уберечь их. Хотя звёзды предрекали ещё десятилетия процветания, юг уже был готов к надвигающейся опасности. Кровь Лодии, соприкоснувшись с кристаллами, могла создать гигантский непробиваемый купол над всей территорией. Это была крайняя мера: въехать или выехать за пределы южных границ после этого станет невозможным на долгие годы.

* * *

Единственный, кто мог рассмешить Лодию и заставить забыть о «тёмной метке» будущего, был брат Одан. Они часто выбирались на побережье, скидывали обувь и бродили по влажному песку, пока волны лизали ступни. Одан дурачился, корчил рожи, разыгрывал сценки из жизни придворных, и сестра, вопреки своей вечной серьёзности, смеялась — звонко, по-детски, откидывая назад светлые волосы. В такие мгновения она казалась не владычицей, а просто девчон-

кой, которой на миг позволили забыть о грузе власти.

В один из таких вечеров, когда солнце уже скрылось за горизонтом, оставляя на воде лишь багровую дорожку, они сидели на большом камне, глядя на звёзды. Лодия, по обыкновению, вглядывалась в небо, пытаясь прочесть в нём ответы. Одан лениво кидал камешки в воду, не нарушая тишины, пока сестра не заговорила первой:

— Почему я не могу понять причину этой нависшей угрозы? — голос её звучал глухо, с надрывом. — Стоит поднять глаза к небу, и эта метка давит на меня словно каменная плита.

Одан перестал швырять камни, повернулся к ней.

— Я единственный в семье, кто не умеет читать звёзды, — сказал он негромко. — Но причина мне ясна. Это смерть матери, Лодия.

Она вздрогнула, но не отвела глаз.

— Я не знаю, когда это случится, — продолжал он, — но отец… он не переживёт. Он бессмертный, но если она уйдёт… грянет беда.

— Тогда скажи ему, — тихо попросила Лодия, впервые в голосе её прозвучала мольба. — К тебе он прислушается.

Одан резко обернулся, и в его глазах она увидела не боль, а глухую, давно выжженную решимость.

— Нет. И не проси. — Он отвернулся, снова уставившись

на воду. — Если бы отец мог что-то изменить, он бы уже сделал это. Вспомни всё наше детство: они с матерью не вылезали из своих склянок, днём и ночью варили эликсиры, рылись в травах, ставили опыты. Ради чего? Ради эликсира бессмертия. Ради неё. Если бы он знал, как её спасти, он бы не стал ждать ни дня. А раз не знает… значит, никто не знает.

Лодия молчала, только пальцы её, сжатые в кулаки, побелели.

На несколько мгновений повисла тишина, нарушаемая лишь мерным плеском волн. Первой очнулась Лодия. Она подняла голову и прищурилась, всматриваясь в темнеющую гладь залива.

— Одан, — позвала она тихо. — Посмотри туда.

Брат проследил за её взглядом. Метрах в тридцати от берега из воды показалась голова — юноша с бледным, почти светящимся в сумерках лицом и длинными тёмными волосами, прилипшими к щекам. На мгновение он замер, глядя на них, а затем бесшумно скользнул обратно в глубину, оставив на воде лишь расходящиеся круги.

— Русалка, — протянул Одан, не выказывая особого удивления. — Или русал. Они часто появляются у берегов.

— Я видела его пару недель назад, — тихо сказала Лодия, поднимаясь с камня. — Он следил за мной.

— И что с того? Они безобидны.

— Не знаю, — повторила девушка, и в голосе её вновь по-

слышалась глухая усталость. — Но сейчас я хочу вернуться во дворец. Пойдём.

Одан тоже поднялся, но медлил, глядя на потемневшую воду.

Глава 2. Ава.

Подношения идолу, которого некогда создал видящий запада, разошлись по орде и попали в разные руки. Одно из них — увесистые бусы из чароита, добытого в озере Лав, — ордынец Марик выменял на столичном рынке. Северянин Бодум отдал за украшение для своей дочери целую кибитку с лошадью. Оба мужчины покинули торжище с полной уверенностью, что совершили лучшую сделку в жизни.

Двадцатипятилетняя Ава была истинной северянкой: высокая, светловолосая, с глубокими голубыми глазами и спокойным, рассудительным нравом, свойственным её народу. Больше всего на свете дочь Бодума мечтала стать матерью. Она сменила нескольких возлюбленных, но ни один не смог подарить ей долгожданного ребёнка. Услышав о бусах из чароита, которым приписывали силу плодородия, Ава выпросила у отца приобрести их. Бодум, желавший сделать дочери приятное, не смог отказать и вскоре вернулся с желанной находкой.

Как только бусы оказались у неё, северянка стала носить их не снимая и терпеливо ждать своего возлюбленного, который должен был прибыть через один цикл. Но чем дольше она их носила, тем сильнее её тянуло к озеру Лав. «Возможно, это летний зной гонит мои мысли к источнику про-

хлады», — думала девушка, хотя где-то в глубине души чувствовала: зов исходит не от зноя.

Однажды вечером, поддавшись необъяснимому влечению, Ава села на лошадь и помчалась на окраину столицы. Приехав к озеру, она привязала коня к иве, растущей на берегу, и, оставив на себе только те самые бусы, вошла в тёплые воды. Гладкая поверхность обволакивала её тело мягким бархатом; вскоре женщина расслабилась, наслаждаясь вечерней прохладой и наблюдая, как звёзды отражаются на зеркальной глади.

Внезапно маленькие мерцающие огоньки — отражения звёзд — стали сбегаться к Аве и беспрепятственно проникать сквозь кожу внутрь. Она растерянно вскинула голову к небу, но там светила оставались на своих местах. Когда все сверкающие искры оказались в ней, её кожа засияла, засверкала, заиграла переливами света. Белые волосы обрели стальной отлив, а глаза стали невероятно голубыми и холодными, словно лёд. В новом облике Ава вышла из озера, оделась и направилась домой.

Наутро она с ужасом обнаружила перемены. Теперь она походила не на человека, а на ожившую статую из драгоценного металла. Укрывшись с ног до головы в плащ, дочь Бодума покинула дом и отправилась на поиски Валора.

* * *

Валор был одним из трёх двойников Авалора. Его пятилетний срок подходил к концу; через несколько недель ему

предстояло раствориться в лёгком дуновении ветра. Ава застала его как раз в минуту глубоких и грустных размышлений об этом.

— Уважаемый Валор, приветствую вас, — задыхаясь, произнесла девушка, входя в шатёр, который клон подготавливал к приезду Авалора и Одана.

— Вот что я вам скажу, Ава. Миром правит сценарий, — начал он, не оборачиваясь. Голос его звучал тяжело и мрачно.

— И кто же его пишет? — растерянно спросила она.

— Сила с наибольшим потенциалом. Всё происходит по написанному. Каждому она назначает свою роль… даже мне. Маленькую, можно сказать, эпизодическую, — медленно проговорил Валор, продолжая двигать мебель и расставлять посуду.

— Видимо, важный гость едет, раз вы сами всё устраиваете, — заметила Ава, словно позабыв, с чем пришла.

— Этот шатёр станет временным пристанищем для Одана. Он хочет войти в замок только после коронации.

— Должно быть, я не вовремя, — замешкалась северянка.

— Напротив. Я же говорю: у каждого своя роль. Поздравляю, вы получили свою, — отозвался Валор с неожиданной живостью, почти со смехом.

— Какую роль? Живой статуи? — с иронией спросила Ава.

— Роль живой звезды, — многозначительно произнёс он.

— Разве мы не получаем своё предназначение при рождении?

— Не всегда. Вы получили своё вчера. А ведь до вас это ожерелье было у многих женщин. Каждая из них могла войти в озеро Лав, но они сделали свой выбор — не вошли.

— Вы можете это исправить? — Ава протянула Валору руку, переливающуюся перламутровым блеском; глаза её наполнились слезами.

— Боюсь, здесь нужен сам Авалор. Ступайте домой, отдохните.

Ава поклонилась, плотнее запахнула плащ и бесшумно вышла из шатра.

* * *

Авалор и Одан явились в столицу через несколько недель. Несмотря на все старания, Аве так и не удалось встретиться с защитником острова — знать обступила отца и сына плотным кольцом, никого не подпуская. Бодум был влиятельным мастером, но даже ему не удавалось добиться аудиенции для дочери.

Девушка рассталась с возлюбленным, не объясняя причин — просто сказала, что всё кончено, и закрыла за ним дверь. Тот, ошеломлённый, ещё несколько дней приходил к её дому, но она не выходила, не отвечала на зов, лишь изредка её силуэт мелькал за наглухо задёрнутыми шторами. Соседи знали её весёлой и общительной, но теперь Ава словно исчезла. Она перестала выходить из дома, окна её комнаты

были плотно завешены, а двери не открывались даже старым знакомым. Люди замечали, что с ней что-то произошло, перешёптывались, строили догадки, но подойти ближе не решались. Временами её видели в плотном плаще, спешащей куда-то, но она ни с кем не заговаривала и не поднимала глаз. Даже отец, заглядывая к дочери, подолгу молчал, не зная, что сказать: её преображение пугало его, хотя он и делал вид, что ничего не замечает.

Ава почти не ела, не спала, часами сидела перед зеркалом, вглядываясь в собственное отражение, пытаясь привыкнуть к тому, кем стала. Её кожа мерцала даже при свете дня, волосы отливали холодным металлом, а взгляд, прежде мягкий и спокойный, теперь казался чужим — глубоким, пронзительным.

Будущий король даже не подозревал о существовании Авы до одиннадцатого дня третьего летнего цикла. Он сидел в мягком резном кресле с кубком вина в обществе вождя запада и знатных ордынцев, наслаждаясь дикими танцами черноволосых красавиц. Аник устроил это зрелище с единственной целью — сделать одну из ордынок королевой или хотя бы матерью королевского первенца, пусть даже бастарда.

Девушки двигались под глухой, тяжёлый ритм барабанов. Пляска была почти агрессивной — каждое движение выставляло напоказ изгиб тела, игру мускулов под смуглой кожей, призывный блеск глаз из-под полуопущенных ресниц. Паль-

цы скользили по бёдрам, поднимались к груди, спускались к животу, заставляя ткань корсета натягиваться ещё туже. Кружения сменялись низкими поклонами, открывая взглядам ложбинки между грудей, а затем резким выпрямлением и взмахом волос, будто стряхивающих невидимые оковы.

В этих телодвижениях была лишь дикая, первобытная свобода. Тело становилось оружием, взгляд — призывом, а сам танец — языком, на котором они говорили с будущим королём, не произнося ни слова. Одан сжимал кубок, не замечая, что вино давно выплеснулось на пальцы, а Аник, сидящий рядом, довольно улыбался, наблюдая за его реакцией.

В то время как гости веселились, Ава мучилась от бессонницы и беспричинной злости. Её преследовала мысль, что прямо сейчас кто-то посягает на то, что принадлежит ей. Но что именно — она не понимала. Словно под гипнозом, дочь Бодума встала, оделась и побрела, сама не зная куда. Ноги привели её к королевскому шатру, откуда доносились ритмичная музыка и смех.

Она смело вошла внутрь и скинула с себя накидку, чем сразу привлекла внимание Одана и его гостей. Холодная, блестящая, излучающая свет далёких звёзд королева прошла к креслу будущего короля и села на подлокотник — так, что ни у кого не осталось сомнений в её праве на это. Одан попытался прочитать её так же, как читал других, но в этой «книге» было написано только одно: перед ним его королева.

Разгорячённый вином и танцами, он взял её за руку и увёл

за ширму, к своему ложу, не обращая внимания на остальных. Одежды упали на землю. На Аве остались только бусы из чароита. Глаза её загорелись холодным огнём. Пальцы северянки осторожно коснулись его широкой груди и скользнули вниз по телу. Сердце Одана бешено забилось, когда она встала на цыпочки и стала грациозно ходить вокруг него, плавно обвивая руками его тело, лаская плечи, спину, грудь, покрывая поцелуями шею, оставляя на коже влажные, жгучие следы. Юноша замер — душа его трепетала от восторга, каждое прикосновение Авы обжигало, словно лёд.

Когда желание Одана стало осязаемым, девушка нежно обхватила его твёрдый, мощный стержень и повела к постели. Ава ничего не знала о секретах любви восточного племени и о манских наездницах, но сейчас ей хотелось именно этого — властвовать, чувствовать его дрожь, видеть, как он теряет голову от наслаждения. Она оседлала будущего короля, направив его жезл в свои влажные врата страсти, и медленно, со сладостной мукой опустилась на него, принимая в себя до основания.

Из-за ширмы всё ещё доносились удары барабанов. Ава задвигалась в такт им — плавно, чувственно. Её бёдра кружились, спина выгибалась, из груди вырывались всё более громкие, срывающиеся стоны, а он помогал ей, ускоряя темп, теряя себя в этой бешеной скачке.

Гостей с запада это нисколько не смутило. Напротив, страсть, бушевавшая за ширмой, подхлестнула и их желание.

Все присутствующие разделись и предались любовным утехам прямо там, где ещё недавно танцевали. Шатёр наполнился томными стонами Авы и прерывистым дыханием ордынцев.

Танцовщицы не проронили ни звука. Громко вздыхать у женщин орды считалось непристойным. Впрочем, для большинства из них это правило не было обременительным — они редко испытывали истинное наслаждение, а значит, у них попросту не было причин издавать какие-либо звуки.

Глава 3. Валор.

3 глава. Валор.

Авалор вошёл в шатёр, приготовленный для него, и замер. Его двойник лежал на кушетке, тяжело дыша, и даже приглушённый свет светильников не скрывал прозрачности его кожи, неестественной хрупкости тела. Авалор сразу понял: время Валора истекает. Скоро его не станет.

Он глубоко вздохнул, стараясь справиться с комком в горле, подошёл к ложу, придвинул пуф и сел. Взял руку двойника — руку, которая была точной копией его собственной, но уже начинала терять тепло.

— Создатель мой... — голос Валора звучал спокойно, но в нём слышалась усталость. — Я рад, что в мои последние часы ты рядом.

— Как только ты появился... я понял, что ты особенный. — Авалор говорил тихо, голос его дрожал. — Другой. Не такой, как остальные. Я не хотел этого момента. Боялся его.

— Я так и не выполнил свою миссию, — Валор смотрел в потолок, словно искал там ответы. — Не нашёл растение для эликсира бессмертия для твоей жены.

— Если бы мы смогли его создать... я бы дал его тебе тоже.

— Я не выполнил миссию, — повторил двойник, и на его глазах выступили слёзы. — Я так старался. Я хотел быть полезным. Хотел оправдать...

— Десятки моих копий, — перебил Авалор, сжимая его руку, — и я сам — никто не смог этого сделать. Никто. А ты нашёл ингредиент для эликсира вечной молодости. Ты помогал строить Хортус, ты организовал торговлю в столице. Ты сделал за пять лет больше, чем иные за всю жизнь. Ты подарил этому острову больше, чем я мог надеяться.

Валор медленно повернул голову, вглядываясь в лицо создателя. В его глазах, уже затягивающихся дымкой, мелькнуло что-то детское, беспомощное.

— От меня... совсем ничего не останется?

Авалор сглотнул. Он знал, что должен отвечать твёрдо, но не мог лгать.

— Останется. Моя любовь к своему творению. И твоё имя. — Он замолчал, чувствуя, как слёзы жгут глаза. — Может быть, этого будет достаточно, чтобы ты отправился в долгий путь перерождений.

Валор слабо улыбнулся, и в этой улыбке не было страха — только тихая надежда.

— Если у меня получится... я вернусь к тебе однажды, — прошептал он. — Я стану бабочкой с изумрудными крыльями. Я так люблю бабочек. Они свободны. Они живут недолго, но красиво.

— Я тоже очень люблю бабочек, — Авалор наклонился, почти касаясь лбом лба двойника. — Очень...

Он не успел договорить. Тело Валора стало таять, как утренний туман на солнце. Кожа, черты лица, пальцы — всё

растворялось в воздухе без следа, без боли, беззвучно. Только одежда бесформенно осела на кушетке, напоминая о том, кто здесь лежал.

Авалор долго сидел неподвижно, глядя на пустой плащ. В шатре воцарилась тяжёлая, давящая тишина, словно само время остановилось, оплакивая того, кто прожил всего пять лет, но успел стать больше, чем просто копией.

Глава 4. Одан.

С десяти лет Одан сопровождал отца в путешествиях по всем уголкам будущих владений. Они ездили на север, где ветер пах мятой и пресной водой, на восток, где воздух дрожал от зноя и пряных трав, и на запад, где степь уходила за горизонт ровным, выжженным полотном. Заезжали в строящуюся столицу Хортус, где уже высились первые каменные стены, и в растущие города юга, где из земли только начинали прорастать белые мраморные кварталы.

Дороги были долгими, пыль въедалась в одежду, копыта лошадей оставляли глубокие следы в раскисшей после дождя земле. Но Одан любил эти скитания. Ему нравилось просыпаться под чужим небом, чувствовать, как меняется запах травы от стоянки к стоянке, смотреть, как отец разводит огонь, не пользуясь ни трутом, ни кресалом — одним лишь усилием воли.

Ночные привалы превращались в уроки. Авалор расстилал на земле свой походный плащ, они усаживались вдвоём и, глядя на звёздное небо, подолгу обсуждали всё, что случилось за день. Не просто события — отец учил его видеть глубже. Читать людей Одан умел от рождения, как дышать или слышать. Авалор лишь помогал оттачивать этот дар, на-

правлял, учил различать не отдельные лица, а целые народы. «Посмотри на западных воинов, — говорил он, указывая на шатры орды. — Что их держит вместе? Не кровь. Идея силы. Место, где каждый день начинается с поединка. Они едины не любовью, а готовностью умереть за право называться сильнейшими». И Одан всматривался в суровые лица, в то, как они держали оружие, как переглядывались, и понимал: орда — это не просто племя. Это закон, высеченный мечом.

«А восток?» — спрашивал он.

— Восток держится на слове и ремесле, — отвечал Авалор. — Их объединяет не стена и не войско, а торговая площадь и общая память о земле, откуда они пришли. Они не будут драться насмерть за клочок степи, но не простят того, кто посмеет надругаться над их обычаями. Так Одан учился распознавать скрытые противоречия, которые могли через годы вылиться в войну.

Шаг за шагом наследник постигал не ложь и страх в глазах одного человека, а глубинную суть целого народа. Он видел, как в северных поселениях люди держатся вместе, потому что иначе не выжить среди скалистых предгорий, где одиночка легко может сгинуть в ущелье или пасть от когтей хищника. Как насмешники востока, щедрые на слово, смыкают ряды, когда речь заходит о священном. Как орда, го-

товая разорвать друг друга за право встать выше, замирает единым кулаком, если враг ступает на её землю.

За годы таких странствий мальчик не просто изучил географию своего будущего королевства — он пропустил его через себя. Он запоминал не только названия рек и перевалов, но и то, как звучат голоса в восточных домах, как пахнет хлеб на севере, как ордынцы сжимают зубы, когда вынуждены уступать. Он подолгу сидел у чужих костров, слушал песни, которые не пели в присутствии знати, и просьбы, которые не осмеливались произносить вслух. Учился особому стилю общения каждого племени — не только словам, но и молчанию, которое иногда говорило больше.

Отец никогда не давал готовых ответов. Он лишь направлял мысль, ставил вопрос и позволял сыну самому искать решение. Это воспитало в юноше привычку вникать в суть, а не довольствоваться видимостью. К пятнадцати годам он уже знал, что управлять островом — значит не только сидеть на троне, но и помнить, в какую сторону дует ветер с северных озёр, почему восточные рыбаки выходят в море до рассвета и что заставляет ордынца, готового убить, вдруг опустить меч.

* * *

Когда Одану исполнилось двадцать пять, три племени — запад, восток и север — вручили ему корону. Его гербом,

символом королевской власти и отражением его собственной сути, стала белая лилия на тёмно-синем поле. Белая лилия — это Одан, первый цветок на тёмно-синем полотне истории, но далеко не последний: каждый следующий король добавит к гербу новую лилию, и со временем их станет столько, сколько продлится династия.

Улицы и улочки Хортуса заполнили тёмно-синие полотнища с белым цветком. Они трепетали на ветру, словно тысячи знамён, возвещавших начало новой эпохи. Весёлая столичная толпа встречала первого короля с искренним ликованием — воздух звенел от криков, смеха и музыки, а над головами взлетали разноцветные лоскуты, которые люди бросали в знак приветствия.

Громоздкий каменный замок, долгожданное воплощение многолетних трудов, наконец распахнул ворота перед своим хозяином. Вместе с Оданом в его стены вошла королева Ава — и при её появлении толпа замерла на мгновение, а затем разразилась единым, всеобщим вздохом восхищения. Она больше не пряталась. Её кожа переливалась мягким серебристым светом, волосы отливали холодным металлом, а глаза сияли ярче любых драгоценных камней. Она походила на ожившую статую, выточенную из самого чистого серебра, — прекрасную, неприступную и одновременно живую, тёплую, с лёгкой улыбкой на губах. Люди шептались, показыва-

ли пальцами, но в их голосах не было страха — только восторг. Королева приняла себя такой, какая есть, и больше не прятала своего дара. Она шла рядом с мужем, и казалось, что сам воздух вокруг неё светился.

Замок возвышался над столицей неприступной серой скалой, а вокруг ещё кипела стройка, подходившая к концу. Пространство у крепостных стен пестрело хаотично расставленными шатрами рабочих и мастеров. Чуть дальше виднелись первые резиденции восточной, северной и западной знати, возникшие словно из ниоткуда: одни — лёгкие, с резными балконами, другие — основательные, из тёмного камня, третьи — просторные, с высокими крышами. На окраинах один за другим появлялись крестьянские дома, на рынке шумела толпа, и Хортус бурлил той особенной жизнью, которая бывает только в начале больших свершений, когда каждый камень, каждая балка, каждое сказанное слово ещё дышит надеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.